

Федор Раззаков
Коррупция
в Политбюро

Начато „ “ 19 г.

Окончено „ “

Дело
“красного
узбека”

Федор Раззаков

**Коррупция в Политбюро.
Дело «красного узбека»**

«ЭКСМО»

2009

Раззаков Ф. И.

Коррупция в Политбюро. Дело «красного узбека» /
Ф. И. Раззаков — «Эксмо», 2009

Двадцать лет назад «гласность и перестройка», провозглашенные М. Горбачевым, выбросили на бурлящую политическими изменениями авансцену советской политической жизни двух следователей Генпрокуратуры – Гдляна и Иванова, а вместе с ними и новое словосочетание – «хлопковое дело». Тогда никто и подумать не мог, что расследование якобы совершенных в далеком Узбекистане экономических преступлений является одним из ключевых этапов дьявольского плана мировой закулисы по разрушению СССР. По сути, «хлопковое дело» как раз явилось политической миной, подложенной под Страну Советов.

Содержание

Предисловие	5
Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Федор Раззаков

Коррупция в Политбюро: Дело «красного узбека»

Памяти моего отца посвящаю

Предисловие

За полгода до своей смерти в ноябре 1982 года престарелый Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев совершил две свои последние официальные поездки. Обе республики были мусульманскими: Узбекистан и Азербайджан. До сих пор нет внятного ответа на вопрос, почему, уже буквально дышащий на ладан Генсек вдруг сорвался из Москвы в такие дали? Не были ли эти поездки вызваны желанием Брежнева и его сторонников наконец опереться на мусульманский центр силы, вместо прежнего – кавказско-еврейского (глобалистского)? Не понял ли престарелый Генсек на закате своей жизни, что именно мусульманство может стать одной из главных державных скреп для советского государства? Ведь еще Александр Невский произнес по этому поводу крылатую фразу: «Крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке». Были и другие высказывания на этот счет. Например, архиепископ Дмитрий (Абашидзе), одно время возглавлявший Туркестанскую епархию, отмечал: «Мусульмане всегда были верными подданными Российской державы». Увы, но это прекрасно понимали и враги советского проекта. В итоге сразу после смерти Брежнева и прихода к власти Юрия Андропова было затеяно дело, которое чуть позже получит наименование «узбекского».

С тех пор в отечественной историографии превалирует точка зрения, что это «дело», затеянное Юрием Андроповым в 1983 году и продолженное М. Горбачевым, было ничем иным, как бескомпромиссной борьбой власти с коррупцией. Сегодня пришло время взглянуть на те события под иным углом зрения. Судя по всему, коррупция для организаторов этого дела была лишь удобным предлогом. На самом деле «узбекское дело» явилось первым звеном в той цепи тайных операций «кремлевских глобалистов», которые ставили целью ликвидацию социализма и реставрацию капитализма в СССР.

За оказанную им услугу в деле уничтожения великой державы западные глобалисты сполна воздали своим кремлевским сподвижникам: те же Михаил Горбачев и Эдуард Шеварднадзе были провозглашены «людьми столетия». Таковыми они считаются в либеральной историографии и поныне. Зато такие деятели, как руководитель Узбекистана Шараф Рашидов, числятся по разряду преступников. Что, естественно, верх несправедливости. Рашидов был интернационалистом, лидером одной из самых просоветских республик и СССР не разваливал. В его деятельности были ошибки и заблуждения, но высокой идее он всегда оставался верен и страну свою, ровесником которой являлся, не предавал. Побегушкой или официантом-разносчиком на банкете мировых глобалистов он никогда не был, да и не мог быть по определению. За это, собственно, горбачевский агитпроп и сделал из него эдакого монстра – «босса всесоюзной мафии». Чтобы истинные мафиози чувствовали себя спокойно. Именно в целях развенчания этой многолетней лжи и рождена на свет эта книга.

Часть I

От учителя до президента

Глава 1

Бурлящая азия

Шараф Рашидов был ровесником Великого Октября – он родился 6 ноября (24 октября по старому стилю) 1917 года в городе Джизаке. В те годы этот древний город (известен с X века) рядом с Голодной степью считался не самым крупным населенным пунктом Узбекистана и насчитывал всего несколько тысяч жителей. Пройдет всего лишь шесть десятков лет после рождения там Рашидова, и город разрастется до 75 тысяч жителей и станет одним из крупных центров хлопководства. Естественно, на момент рождения Рашидова никто из его близких не мог даже предположить, что они присутствуют при рождении человека, который приложит руку к тому, чтобы не только их родной город расцвел пуще прежнего, но и вся республика достигла небывалого могущества и процветания. Ведь будущий руководитель Узбекистана родился в бедной крестьянской семье, и если бы спустя сутки после его рождения в далеком Петрограде к власти не пришли большевики, то будущая судьба новорожденного вряд ли смогла бы сложиться столь грандиозно – при прежнем режиме выходцы из бедняков не имели никакой возможности встать у руля государства.

Как уже говорилось, родители Рашидова были людьми из самых низов. Его отец – Рашид Рашидов – до революции был бедным дехканином, который с утра до ночи гнул спину на баев, зарабатывая скудные гроши на пропитание своей семьи. Однако после революции он сумел заметно улучшить свое материальное положение, устроившись на работу в милицию. И хотя зарплата там была не ахти какая, однако милиционерам выдавали дополнительный паек, который Рашид приносил домой жене и детям. Так длилось до 1924 года. В том году Узбекистан стал уже полностью советским (в октябре была образована Узбекская ССР, а спустя год она вошла в состав СССР в качестве союзной республики) и в органах власти происходила реорганизация. В итоге Рашид Рашидов потерял место в милиции и устроился арбакешом (развозчик товаров на арбе) в артель «Кызыл караван» («Красный караван»). В 1929 году он вступил в колхоз «10 лет Октября» Джизакского района.

Между тем вхождение Узбекистана в состав СССР было вполне закономерным явлением. Договор о создании Союза Советских Социалистических Республик был подписан 30 декабря 1922 года представителями РСФСР, Украины, Белоруссии и Закавказской Федерации (Азербайджан, Армения и Грузия). Эти государства еще в годы гражданской войны образовали военно-политический союз, заключив ряд межгосударственных соглашений. Вполне естественно, что сразу после войны усилия этих республик по поиску будущих форм экономического и политического объединения активизировались, поскольку это а) отвечало их историческим традициям (столетиями между ними складывалась единая экономика; происходило культурное взаимодействие; вместе они отражали нападения внешних врагов и т. д.) и б) базировалось на сходстве политических систем, поскольку стоявшие у власти в этих республиках национальные компартии входили в состав Российской Коммунистической партии (большевики). Все это в итоге и привело к образованию СССР, который фактически спас Россию от развала и заложил основы будущей советской империи.

Отметим, что в самом руководстве РКП(б) существовало две точки зрения на государственное устройство будущего Союза. Так, Сталин и его сторонники (В. Молотов, С. Орджоникидзе, Г. Чичерин и др.) отстаивали план «автономизации», согласно которому вхождение

советских республик в состав РСФСР происходило бы на правах автономий. Этот план, основанный на принципе «демократического централизма», ставил жесткие ограничения для тех республик, руководство которых в будущем захотело бы полной независимости от Центра. Однако вождь партии Ленин разделял другую точку зрения на Союз: он выступал за объединение советских республик на основе полного равноправия. Поэтому, когда он узнал о том, что побеждает точка зрения Сталина и К^о (а ее поддержали все республики, кроме Грузии), он наложил «вето» на это решение. Спорить с вождем никто не решился. Чуть позже ярый идеологический противник Ленина и большевиков известный русский философ Н. Бердяев в качестве выдающейся заслуги Ленина выделит именно то, что тот спас Россию от развала. Тем самым философ признавал безальтернативность на тот момент федерализма как организации государственного устройства для российского и других народов бывшей унитарной империи.

Между тем на момент создания СССР в состав РСФСР была включена только часть Узбекистана, входящая в Туркестанскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (в нее входили территории, на которых вскоре возникнут Узбекская, Туркменская, Киргизская ССР и Каракалпасская АО). Столицей ТАССР был выбран город Ташкент, что выглядело вполне логично – он был таковым и в период существования Туркестанского генерал-губернаторства.

В то же время на территории Узбекистана были образованы две самостоятельные республики: Бухарская народная советская республика (столица – Бухара) и Хорезмская народная советская республика (столица – Хива). Однако фактически со дня провозглашения независимости было понятно, что их самостоятельность – дело временное, поскольку они оказались на перекрестии интересов Востока (советской России) и Запада (стран Антанты и Турции). В итоге уже в 1921 году турецкий генерал Энвер-паша поднял в Бухаре антисоветское восстание, которое закончилось провалом. Спустя год компартии Бухары и Хивы были подключены к деятельности Туркестанского бюро ЦК РКП(б), и с этого момента фактически на всей территории Туркестана была установлена единая вертикаль партийной власти. Два года спустя Москва решила взяться за национально-государственное размежевание в Средней Азии. Декретом от 27 октября 1924 года БНСР и ХНСР были ликвидированы и их территории вместе с территорией упраздненной Туркестанской АССР были поделены между Узбекской и Туркменской ССР.

Чуть позже, в феврале 1925 года, на землях, прилегающих к Аральскому морю, была образована Каракалпакская автономная область, которая сначала входила в состав Казахской АССР, а в декабре 1936 года вошла в состав Узбекской ССР. В 1929 году таджикская автономия, входившая в состав Узбекской ССР, была преобразована в Таджикскую ССР, а после принятия Сталинской конституции 5 декабря 1936 года появились Киргизская и Казахская ССР (до этого обе входили в состав РСФСР).

Несмотря на то, что сопротивление значительной части местного населения советизации Средней Азии было достаточно долгим и упорным (басмаческое движение просуществовало там до начала 30-х годов), однако в целом большевикам удалось достаточно быстро и эффективно разрешить многие проблемы. Как говорил известный персонаж культового фильма «Белое солнце пустыни» красноармеец Федор Сухов: «Восток – дело тонкое». Большевики это быстро уяснили и стали строить свою политику в Средней Азии исходя из местных реалий. И в формировании тамошних политических элит стали опираться на те кланы, которые играли ключевые роли в данных регионах.

Так, в Казахстане большинство первых партийных работников были выходцами из двух жузов: Среднего (Орта) и Младшего (Киши). Первый представлял из себя потомков казахских племенных объединений (кипчаки, аргыны и др.) в Центральном и Северо-Восточном Казахстане, заключивших свой союз еще в XVI веке и вошедших в состав России в середине XVIII века; второй – потомков казахских племен (жети-ру, алим-улы, бай-улы) в Западном Казахстане, вошедших в состав России в XVI веке. На третьем месте по степени своего влияния в

системе власти в советском Казахстане стояли потомки Старшего (Улу) жуза, куда некогда входили племенные объединения (канглы, дулаты, албаны и др.), проживавшие в районе Семиречья (южный и юго-восточный Казахстан).

В советской Киргизии власть между собой разделили потомки племен Севера и Юга, которые вели межплеменную борьбу еще с первой половины XIX века. В северную группировку входят следующие кланы: Чуй-Кеминский и Нарынский (роды Сары Багыш и Саяк, представители которого проживают в Кеминском районе Чуйской области, а также в Кочкорском, Тянь-Шаньском и Ат-Башинском районах Нарынской области), Таласский (роды Кушчу и Сару), Чуйский (роды Солто и Тынай), Иссык-Кульский (род Бугу). В южные кланы входят роды Ичкилик и Отуз Уул. Первые проживают на территории Ошской и Баткенской областей и частично Джалал-Абадской области, вторые – на территории Джалал-Абадской области и частично на территории Ошской.

В Таджикистане клановое разделение проходило по трем направлениям: «равнинный север» (ленинабадцы или ходжентцы), «сельскохозяйственный юг» (кулябцы и кургантюбинцы) и «центр» (душанбинцы, гарманцы, тавильдарцы). На номенклатурной обочине находились памирцы и бадахшанцы.

В Туркмении назначение первых лиц в республике проводилось строго по ротации, когда представителя одного племени сменял представитель другого. В итоге там руководителями становились представители всех крупных туркменских племен: ахалские текинцы, алили, марыйские текинцы, емуды, эрсары.

Наконец, в Узбекистане власть между собой делили выдвиженцы четырех кланов: самаркандского (самаркандско-бухарского), ферганского, ташкентского и кашкадарьинского. Клановая система в Узбекистане сформировалась на основе территориальной общности примерно в конце XIX – начале XX века. Поскольку узбеки давно перешли к оседлому образу жизни, то знание о том, кто из какого рода и племени произошел, у них утратило свое значение и актуальность. В итоге под кланом у них стала пониматься группа людей, объединенных родовой (родственной) или территориальной общностью происхождения. Причем клановость не довлеет над обществом. Связи и конфликты внутри клана или между кланами непосредственно затрагивают определенный слой людей, располагающих доступом к власти, материальным ценностям и собственности. Вся остальная масса населения вовлекается в клановые отношения вольно или невольно, по мере необходимости.

Наибольшее влияние, как при царском режиме, так и в первые годы советской власти, имел самаркандско-бухарский клан. Не случайно поэтому в 1924 году столицей советского Узбекистана был провозглашен именно Самарканд. Самым ярким представителем бухарского клана был в то время Файзулла Ходжаев, который, несмотря на то, что был сыном бухарского купца-миллионера, на протяжении 12 лет (1925–1937) являлся председателем Совнаркома Узбекской ССР. Правда, 1-м секретарем компартии Узбекистана был «варяг» – русский В. Иванов, что вытекало из политики Москвы, которая основывалась на превалирующей роли Центра в управлении окраинами.

Отметим, что СССР создавался на добровольной основе, поскольку республиканские элиты (в том числе и среднеазиатские) приняли тот проект объединения, который им предложила Москва. Подтвердилось то, о чем заявлялось руководством ЦК РКП(б) еще на XII съезде партии: «На наш Союз Республик Восток смотрит как на опытный полигон. Либо мы в рамках этого Союза правильно решим национальный вопрос в его практическом преломлении и тогда весь Восток увидит, что в лице нашей федерации он имеет знамя освобождения, имеет передовой отряд, по стопам которого он должен идти, и это будет началом краха мирового империализма. Либо мы здесь допустим ошибку, подорвем доверие ранее угнетенных народов, отнимем у Союза Республик притягательную силу в глазах Востока, которую он имеет, и тогда выиграет империализм, проиграем мы».

Серьезной проблемой для Центра был мусульманский фактор. В Узбекистане особую опасность представляло сочетание панисламизма (в наше время это зовется исламским экстремизмом) и пантюркизма, поскольку большинство народов Средней Азии – это турки. Центр решил разделить эти два течения. Каким образом? Вот как об этом пишет В. Камши:

«Традиционное исламское духовенство, объявившее в свое время джихад советской власти, происходило из старых богословов, наученных еще в арабских или иранских медресе, совершивших хадж в Мекку и в гораздо большей степени связанной с арабскими и персидскими богословами, чем с собственной паствой. Подраставшая молодая поросль мулл формировалась уже в других условиях и была заинтересована в получении постов и должностей, которые занимали старики. За границей они не бывали, по происхождению были отнюдь не персы и арабы, а местные жители, были в гораздо большей степени склонны заявлять, что советская власть вполне совместима с учением Магомета и отмежевывались от коренящихся в Саудовской Аравии радикальных исламистов – ваххабитов (на самом деле, они отнюдь не изобретение сегодняшнего дня, а существуют с XVIII века). В итоге с помощью чекистских органов процесс естественного обновления духовенства принял ускоренный и необратимый характер...».

Несмотря на явные перегибы национальной политики, которые порой граничили с откровенной жестокостью, Москве (Центру) удавалось достаточно эффективно наладить управление огромным многонациональным государством, аналога которого не было еще в истории человечества. Ведь в СССР проживали представители более ста национальностей, численность которых колебалась от сотен до десятков миллионов человек. Ничего подобного не было ни в Европе, ни в США. Например, в Европе хотя и существуют автономные государственные образования, но они состоят из тех народов, которых европейцы попросту... не успели уничтожить (вроде басков, ирландцев, корсиканцев и т. д.). Вот почему до сих пор именно в этих регионах существует перманентная напряженность, причем именно по вопросу национальной автономии. Как верно отмечает историк и политолог С. Кара-Мурза:

«Именно «просвещенные» европейцы и американцы несут ответственность за уничтожение миллионов человек в Африке, островах Тихого океана, Южной Америке, Индии и Китае. Есть ли в истории России примеры такого жуткого, тотального геноцида, какой, например, был устроен на острове Тасмания, население которого было полностью уничтожено колонизаторами? Нет.

Конечно, могут возразить – мол, в Квебеке франкоязычные канадцы нормально живут – и нет там никакого угнетения или притеснения. Чем хуже «советской» модели? Но такие сравнения как минимум странны. Странны хотя бы потому, что франко-и англоязычные выходцы из Европы, Канаду заселявшие, принадлежат к одной европейской цивилизации, и предки их имели теснейшие контакты во время проживания в Старом Свете. Этого нельзя сказать, например, о русских и якутах, туркменах и прибалтах – это народы с огромным различием в менталитете, которые, однако, мирно сосуществовали на просторах СССР. Экономическое и культурное развитие «национальных» регионов страны было тесно взаимосвязано. В это непросто поверить, но во время первых пятилеток в СССР строились десятки городов ежегодно. Города становились индустриальными и культурными центрами, в которых основывались национальные школы, киностудии, Академии наук. Быстрыми темпами создавалась «национальная» культурная и политическая элита, и каждому человеку был доступен широкий выбор путей в жизни, независимо от его национальности. Шансов стать космонавтом, руководителем крупного предприятия или популярным писателем было поровну у выходца из Ленинграда, из-за Уральских гор и из казахстанских степей...»

Глава 2

Кто был ничем...

Пример героя нашей книги со всей очевидностью подтверждает сказанные выше слова. Шараф Рашидов родился в бедной крестьянской семье и при прежнем, царском режиме вряд ли имел хоть какую-нибудь возможность достигнуть тех высот, которые ему предоставила советская власть. Ведь образование СССР и решение в его рамках национального вопроса означало, прежде всего, подъем культуры и образования именно среди беднейшего населения. Достаточно сказать, что если бы проблема ликвидации неграмотности в России решалась теми же темпами, что при царе, то среди русских неграмотность была бы ликвидирована примерно к концу XX века, в Средней Азии – только через пять веков, а среди народов Сибири и вовсе через тысячу лет.

Именно с вхождением Узбекистана в состав СССР в республике началась активная ликвидация неграмотности. Например, если в 1910 году в Туркестанском крае было всего 476 начальных школ (29 944 учащихся), то уже к 1925 году в Узбекистане было более 2,5 тысячи школ первой ступени (около 200 тысяч учащихся, в том числе 65 % коренных национальностей). Кроме этого функционировали почти 100 школ второй ступени (7 тысяч учащихся). При советской власти в Узбекистане в год открывалось порядка 674 школ.

Отметим также, что именно после революции в Узбекистане начали открываться школы для девочек. Первое такое заведение появилось на свет в декабре 1917 года в Ташкенте в махалле Зевак Бешагачской части Ташкента (школа Башарат Джалиловой). В ней учились 42 девочки-узбечки. К 1920 году подобных школ в Узбекистане будет уже несколько десятков: в Ташкенте – 12, в Андижане – 2 и т. д.

После вхождения Узбекистана в состав СССР тысячи детей в городах и отдаленных кишлаках пошли в начальную школу, чтобы в скором времени составить тот контингент молодых людей, который придет на смену своим менее грамотным (а то и вовсе безграмотным) родителям. Не стал исключением и Шараф Рашидов. В 1924 году он переступил порог джизакской школы-семилетки и впервые взял в руки букварь. Как утверждают очевидцы, учеба давалась ему легко, поскольку еще ребенком он отличался от большинства сверстников отличной памятью. Поэтому азы грамоты Шараф постигал быстрее других. А тут еще и сама судьба помогла ему вытянуть счастливый билет. Впрочем, это была история из разряда «не было бы счастья, да несчастье помогло».

Дело в том, что в конце 20-х годов ушла из жизни мать Рашидова и поскольку отец не мог в одиночку усмотреть за всеми детьми (а их в семье на тот момент было уже несколько), родители покойной взяли Шарафа к себе на воспитание. И в новой семье смысленный мальчишка попал под опеку брата своей матери Хамида Азимова. В ту пору этот человек уже был известен в Узбекистане как весьма одаренный молодой литератор, выступающий под литературным псевдонимом Хамид Алимджан.

В 1926 году, когда Хамиду было всего 17 лет, свет увидел его первый поэтический сборник под названием «Весна», который был тепло встречен литературной общественностью. Много лет спустя известный узбекский поэт Айбек будет подчеркивать символичность этого названия, имея в виду то, что в момент его выхода автор переживал свою «весеннюю» пору в творчестве. Ей соответствовал настрой сборника: оптимистический, романтически приподнятый. Два года спустя Хамид отправился в Самарканд, где с первого же захода поступил в Педагогическую академию, параллельно активно занимаясь и литературным творчеством.

Следуя по стопам своего дяди, выберет свой дальнейший жизненный путь и Шараф Рашидов. Окончив в 1931 году школу-семилетку, он поступит в Джизакский педагогический техникум, где, как и в школе, достаточно быстро проявит себя с лучшей стороны: станет не

только лучшим учеником, но и будет избран председателем профсоюзного комитета. Параллельно с учебой Рашидов активно пробовал себя и на литературном поприще: писал стихи, прозу, а также очерки, которые он публиковал в техникумовской стенгазете. Дядя, который наездами бывал в Джизаке, внимательно следил за этими литературными опытами своего племянника и всячески поощрял его на продолжение этой деятельности.

Отметим, что сам Хамид Алимджан в том же 1931 году закончил Педагогическую академию и переехал в столицу, в Ташкент (ею он стал в 1930 году), где еще более активно оказался вовлечен в литературную жизнь. Он устроился работать журналистом, а все свободное время посвящал поэтическому творчеству. Как вспоминал его друг и коллега поэт Уйгун: «Хамид приехал в Ташкент следом за мной... Время было скудное: бумаги не было. Мы писали на длинных узких обрезках, которые брали в типографии, но писалось нам хорошо: наверное, поэтому и у меня и у Хамида навсегда сохранилось пристрастие к узким, длинным бумажным полоскам...».

Именно на таких полосках Хамид написал свою первую известную публицистическую работу: «На пути к овладению социалистическим реализмом», которая в 1933 году вышла в свет отдельной брошюрой. На протяжении нескольких лет после революции в творческой среде СССР шли жаркие дискуссии между представителями разных направлений, однако победу в итоге одержали те, кто пропагандировал социалистический реализм. В советских справочниках этот творческий метод литературы и искусства трактовался следующим образом: «Эстетическое выражение социалистически осознанной концепции мира и человека, изображение жизни в свете социалистических идеалов. Важнейшие принципы социалистического реализма: народность, партийность и социалистический гуманизм. Эстетическая платформа социалистического реализма включает как глубину объективного познания (реалистическое начало), так и пафос субъективной активности (преобразующее начало, романтика)».

В марте 1934 года состоялся I съезд писателей Узбекистана, который учредил в республике Союз писателей, куда вошли 37 членов и 11 кандидатов. Хамид Алимджан также стал одним из активных участников этого события. Тогда же произошли изменения и в его личной жизни. Во время одного из мероприятий, проходившем в СП, он обратил внимание на 19-летнюю поэтессу Зульфию Исроилову из Бухары (она тогда училась в Ташкентском педагогическом институте, а параллельно писала стихи, первый печатный сборник которых увидел свет в 1932 году). Плененный ее красотой, Хамид решил познакомиться с девушкой поближе. Но как это сделать, если девушка считалась в литературной среде весьма неприступной особой? И тогда Хамид пошел на хитрость. Под предлогом помощи в гардеробе СП, он повесил пальто Зульфийи вместе со своим на одну вешалку, а номерок забрал себе. В итоге это позволило ему после мероприятия не только снова встретиться с девушкой, но и вызваться проводить ее до дома. Так они познакомились. А спустя год (в 1935-м) молодые поженились. Вскоре на свет появилась дочь, которую счастливые родители называли Хулькар.

Отметим, что еще до свадьбы Шараф Рашидов имел возможность познакомиться с будущей женой своего дяди – они приехали в Джизак для знакомства с родителями жениха. И у них с Зульфией с первых же минут установились достаточно теплые отношения. К тому времени Рашидов уже закончил школу-семилетку и трудился на педагогической ниве – работал учителем в одной из джизакских школ.

В те годы в СССР продолжала осуществляться государственная программа в области народного образования. В июле 1930 года в стране было введено всеобщее обязательное начальное обучение детей в возрасте 8—10 лет. За год до этого в Узбекистане насчитывалось 2 720 школ всех типов, а в 1933 году их уже стало 6444 (509 в городе и 5935 на селе). Число учащихся за это время возросло со 139 800 до 644 300 (145 000 учились в городах и 499 300 в сельской местности). Росло и число учителей: если в 1929 году их было 5400 (2100 работало на

селе), то в 1933 году – 19 300 (13 800 работало на селе). Отметим, что 46 % учителей составляли лица коренной национальности – узбеки.

V Съезд Советов Узбекской ССР, состоявшийся в январе 1935 года, поставил перед Совнаркомом республики задачу разработать план охвата обязательным семилетним обучением всех детей от 8 до 15 лет. На нужды народного образования были выделены огромные средства – 1162,5 млн. рублей против 395,5 млн. в годы первой пятилетки (1929–1934). В итоге этой программы за годы второй пятилетки в Узбекистане было построено 539 школ на 35 тысяч мест.

Профессия педагога в те годы в СССР считалась одной из престижных. Не было исключения и Узбекистан, где учитель (укутувчи) в глазах населения был приравнен к сонму самых уважаемых людей, поскольку помогал бедным дехканам освоить грамоту и добиться значительных благ в жизни. Заработная плата у учителей тогда была около 1500–1700 рублей (отметим, что в конце 20-х она равнялась всего 700 рублям). Для сравнения: 1 кг мяса в середине 30-х стоил 9 рублей 42 копейки, 1 кг сахара – 4 рубля 50 копеек, 1 кг крупы – 4 рубля 14 копеек, 1 кг муки – 2 рубля 63 копейки, 1 кг картофеля – 92 копейки, 1 кг овощей – 58 копеек, бутылка водки 0,5 л – 6 руб., шерстяной мужской костюм – 75 рублей и т. д.

Параллельно с преподавательской деятельностью Рашидов продолжал пробовать себя и как литератор: писал стихи, рассказы, очерки. Часть из них он отправлял как в местные (джизакские) газеты, так и в центральные – например, в самаркандские. В итоге уже очень скоро Рашидов обратил на себя внимание серьезных людей, которые учитывали не только его несомненный литературный талант, но и родство с известным литератором и общественным деятелем Хамидом Алимджаном (родственные связи в Средней Азии всегда были и остаются весьма важным элементом продвижения по служебной лестнице). И вот уже в 1937 году ему поступает предложение от руководства Самаркандской областной газеты «Ленин йули» («Ленинский путь») занять пост ответственного секретаря. Рашидов соглашается, и с этого момента, собственно, и берет старт его руководящая карьера.

В те годы Узбекистан в ходе индустриализации становился крупным промышленным регионом страны и его экономика уже не носила только аграрный характер (как это было десятилетие назад, когда удельный вес сельского хозяйства в народном хозяйстве республики составлял 61,6 %, а промышленности – 38,4 %). Многие историки отмечают, что этот процесс носил форсированный и подчас жестокий характер. Например, историк Л. Левитин описывает это следующим образом:

«Это была запаздывающая модернизация, модернизация вдогонку за ушедшими на много лет вперед в техническом прогрессе развитыми капиталистическими странами. Отсюда ее предельно форсированные темпы, которые не могли обойтись без огромных социальных потерь. Советская модернизация в Узбекистане достаточно быстро приобщила страну к техническому прогрессу, к машинному труду. Но в то же время республика была вынуждена развиваться не в результате своей естественной эволюции, не в силу внутренних условий и закономерностей. Модели, программы и сроки навязывались извне, вопреки сложившимся традициям и естественным тенденциям развития узбекского общества. Модернизация в Узбекистане означала столкновение цивилизаций, их элементов, когда железо шло против земли, когда люди одной культуры навязывали свою волю людям другой культуры. Это был молох – страшная, ненасытная сила, требующая человеческих жертв.

В Узбекистане, как и в других национальных республиках, модернизация проводилась в строгом соответствии с политическим диктатом Москвы. Национальные интересы узбекского народа если и интересовали Москву, то только в той мере, в какой они совпадали со стратегическими интересами системы, отвечали ее идеологическим догмам. При этом Узбекистану, как и другим национальным регионам, были навязаны такое разделение труда и такая специа-

лизация, которые на многие десятилетия обусловили его зависимость и от центра, и от других республик...».

Все сказанное выше – правда, как правдой является и то, что иной альтернативы, кроме как вхождение в состав СССР, у Узбекистана (как и у других советских республик) не было. Если бы эти республики не объединились под эгидой Москвы, то их рано или поздно прибрали бы к рукам другие ведущие государства. Например, на Узбекистан давно «облизывались» такие крупные европейские державы, как Англия и Франция, поскольку в республике имелись богатейшие земли, климатические условия, позволяющие выращивать хлопчатник и, завладев этим богатством, можно было пошатнуть мировую монополию США в этой сфере. Впрочем, и сами американцы тоже были не прочь прибрать к рукам этот благодатный регион.

Отметим, что при активном участии западных спецслужб еще в 1918 году в Ташкенте был поднят контрреволюционный мятеж под руководством бывшего прапорщика царской армии К. Осипова. Однако этот мятеж, как и многие другие, был подавлен. Но если бы западным странам повезло и они смогли бы навязать Узбекистану свою волю, вряд ли он тогда смог бы стать промышленно развитой республикой и сохранить свою, пусть во многом и «спеленутую», самостоятельность, как это было при СССР. Таким образом большого выбора, по сути, у него в тот период не было и приходилось жертвовать малым ради того, чтобы сохранить большее.

Между тем характерной особенностью периода индустриализации в Узбекистане было развитие народного хозяйства более быстрыми темпами, чем по Союзу в целом. Все это четко укладывалось в программу большевиков по быстрейшей ликвидации экономической отсталости национальных окраин. Конечно, Центр при этом ставил во главу угла свои проблемы, а не республиканские, имея в виду, что республики должны стать его сырьевыми придатками.

Например, Узбекистану была уготована роль главного поставщика «белого золота» – хлопка, поскольку именно там имелись наиболее благоприятные условия для его культивирования. Несмотря на то, что большое число солнечных дней в году есть во всех республиках Средней Азии (Таджикистане, Туркмении, Киргизии), а также в Казахстане, однако в трех первых из названных республик не имелось в наличии больших площадей поливных земель (хлопок требует немало воды для полива), а в Казахстане приоритет был отдан культивированию зерновых (вместе с Украиной он стал «главной житницей» страны). Кроме этого, Узбекистан всегда отличался от своих соседей наличием большого числа сельского населения, что тоже было немаловажно в деле культивирования хлопка. О том, какое значение для экономики имеет «белое золото», рассказывает один из руководителей Советского Узбекистана Н. Мухитдинов:

«Что такое хлопок, который народы Средней Азии называют «пахта»? В зависимости от сорта, особенностей зон высевания и других факторов вегетационный период у хлопчатника длится от 100 до 200 дней, а высота главного стебля растений достигает 50—120 см. В каждом растении 10–30 и больше коробочек (кусок) размером с грецкий орех или чуть крупнее, по форме они – шаровидные или яйцевидные, с носиком и звездочкой.

Коробочка хлопчатника – подлинная кладовая богатейших природных ресурсов, каждая содержит 2—10 граммов универсальных средств, называемых хлопком-сырцом.

Выход волокна из каждой коробочки составляет 20–40 процентов, длиной от 25 до 42 мм, которые идут на производство пряжи. Из семян извлекают масло, имеющее самое широкое употребление. Семена, а также оболочка коробочки – сырье, из которого можно изготовить буквально все. Например, жмых – питательный корм, способствующий росту, повышению упитанности, продуктивности скота, улучшению качества мяса и молока; пух и подпушек – они используются для изготовления искусственного волокна, киноплёнки, пластмасс; шелуха – сырье для производства различных синтетических материалов, высококачественных полимеров, не боящихся термообработки, заменяющих металл при изготовлении нагревательных

приборов; из семян хлопчатника извлекают госсипол, используемый для производства жаростойких покрытий, лаков, красителей и лекарств.

Из отходов хлопкоочистительных и маслобойных заводов производятся целлюлоза, линолеум, картон, изоляционные материалы. Часть хлопка и пуха используются для изготовления ваты, применяемой в медицине, легкой и мебельной промышленности, а также ватина для производства подкладок, фильтров и других технических изделий.

Из листьев, стеблей, створок и коры изготавливают витамин «Р», каротин, белковые дрожжи, антибиотики, крахмал, веревку, бумагу, картон, различные кислоты, в том числе 15 наименований аминокислот, смолы, соли, более 10 фенольных соединений, около 20 высокомолекулярных углеводов, спиртов, воска и др., более 100 различных химических препаратов, а всего из хлопка вырабатываются свыше тысячи видов продукции, изделий, товаров, медикаментов.

Средняя урожайность хлопка-сырца с одного гектара – 30 центнеров, из этого количества можно произвести 1000–1100 килограммов волокна, 1600–1800 килограммов семян.

Из 1000 килограммов волокна вырабатывают более 10 тысяч метров ткани, а из 1700 килограммов семян – 330 кг масла, 30 кг мыла, 700 кг жмыха, 500 кг шелухи, до 10 кг линта...».

Отметим, что точно такая же роль отводилась Узбекистану и до революции – культивирование хлопка там в промышленных масштабах было начато еще при российских царях. Другое дело, что тогда никакой текстильной промышленности, способной переработать хлопок, в республике не было, поэтому на переработку его везли в Россию. При большевиках этот процесс перенесли в саму республику. И уже с 20-х годов в Узбекистане начали строить мелкие и средние предприятия, перерабатывающие хлопок и другое сельскохозяйственное сырье. За короткие сроки были созданы текстильные и шелкомотальные фабрики, выпускающие первичную продукцию, то есть полуфабрикаты, которые для конечной обработки отправлялись в Россию, на Украину и в Белоруссию. В 1926 году была построена текстильная фабрика в Фергане, в 1928 – шелкомотальная в Маргилане, в 1934 – текстильный комбинат в Ташкенте и т. д. В том же Ташкенте был построен завод по выпуску сельскохозяйственных машин, который зависел от других предприятий России и Украины, так как многие важные комплектующие детали привозились оттуда.

В итоге этих преобразований уже к концу 30-х Узбекистан вошел в число промышленно развитых республик с доходной частью бюджета в 1 миллиард 325,3 миллионов рублей (на 1937 год). Отметим, что в Турции доходная часть тогда равнялась 870,7 млн. рублей, в Афганистане – 195 млн. рублей, в Иране – 170 млн. рублей.

В это же время окончательно утвердился и колхозный строй в республике. Коллективизация в Узбекистане проводилась ускоренными темпами и с большими перегибами, поскольку Центр выдвинул лозунг добиться к концу первой пятилетки, то есть к 1934 году, хлопковой независимости СССР. Поэтому уже к середине 30-х в Узбекистане было создано 9539 колхозов. Это составляло 74,9 % всех дехканских хозяйств республики. К концу десятилетия колхозы Узбекистана уже занимали 1-е место в СССР по размерам денежного дохода. Все это было достигнуто республикой за счет сбора «белого золота» (хлопка) – доход от него в том году составил 1 917 млн. рублей. Это привело к тому, что в декабре 1939 года Узбекская ССР была награждена своим первым орденом Ленина, став на этом поприще четвертой республикой в составе СССР (в 1935 году подобной награды удостоились Грузия, Азербайджан и Белоруссия).

Между тем именно в конце 30-х Сталин задумал осуществить кадровую «революцию сверху». После смерти вождя и доклада Н. Хрущева на XX съезде партии в 1956 году в советской историографии утвердилась точка зрения, что эта революция, вызвавшая волну репрессий против партноменклатуры, была связана в основном с личными качествами Сталина: его

маниакальной подозрительностью и жестокостью. На самом деле были и другие, куда более значимые причины. Как писал историк В. Кожин:

«Нетрудно понять, что «замена» более полумиллиона (!) руководителей никак не могла быть проявлением личной воли одного – пусть и всевластного – человека и причины такого переворота неизмеримо масштабнее и глубже пресловутого «культа личности»...

Кардинальные изменения политической линии Сталина в середине 1930-х годов главным образом определялись, надо думать, очевидным нарастанием угрозы войны – войны не «классовой», а национальной и, в конечном счете, геополитической, связанной с многовековым противостоянием Запада и России...»

Судя по всему, в этом противостоянии Сталин опасался опираться на прежнюю элиту («касту проклятую» по его же словам) и решил заменить ее не только более молодой и мобильной, но и национально ориентированной (вместо прежней – космополитической). Естественно, что эта неуправляемая «цепная реакция» репрессий вовлекла в свою орбиту и тысячи ни в чем не повинных людей, но Сталин, видимо, сознательно пошел на это, поскольку иного выхода не видел – смену элит необходимо было провести в кратчайшие сроки. Ему это сделать удалось, и с начала 1939 года волна репрессий пошла на спад.

В Узбекистане происходило то же, что и по всей стране, правда, со своей спецификой. После того, как в 1930 году столицей республики стал Ташкент, представители самаркандско-бухарского клана стали постепенно вытесняться из власти и им на смену стали приходиться «ферганцы» и «ташкентцы». Последние даже смогли вытеснить «варяга» – В. Иванова, которого на посту руководителя компартии сменил «ташкентец» Акмаль Икрамов (в 1927-м).

Когда в конце 1930-х в стране началась сталинская кадровая «революция сверху», «самаркандцам» пришлось уступить верховную власть «ферганцам», лидером которых был Усман Юсупов. С 1931 года он занимал пост председателя Среднеазиатского бюро ВЦСПС (профсоюзы), а в 1937-м стал 1-м секретарем ЦК КП(б) Узбекистана вместо репрессированного «ташкентца» А. Икрамова («глазами и ушами» Москвы подле Юсупова будут 2-е секретари, которые всегда назначались Центром из русскоязычных: сначала это будет Павел Яковлев, в 1940-е – Константин Ефимов). Отметим, что репрессированными также оказались двое председателей Совнаркома республики: уже известный нам «бухарец» Файзулла Ходжаев (1925–1937) и сменивший его «ташкентец» Султан Сегизбаев (1937–1938). А вот председатель республиканского ЦИКа «ферганец» Юлдаш Ахунбабаев (узбекский Калинин, как его называли в республике) останется на своем посту вплоть до самой смерти в 1943 году.

Это была не первая «чистка» партийных рядов в Узбекистане. Первая случилась в самом начале 30-х, когда компартия «похудела» почти на 40 тысяч человек (вместе с кандидатами), а к 1937 году отсеvu подверглись еще около тысячи членов. С 1938 года начался новый активный рост рядов КП Узбекистана и к началу войны в ней уже было более 72 тысяч членов (по сравнению с 1937-м рост составил более 42 тысяч человек). В основном это были молодые люди, многие из которых, минуя сразу несколько служебных ступенек, сумели быстро сделать карьеру в партийных рядах.

Среди этих людей суждено было оказаться и Шарафу Рашидову. Ему в ту пору было всего 20 лет, но у него уже появилась прекрасная возможность себя проявить. И он своего шанса не упустил. Буквально за считанные годы (1937–1941) прошел путь от ответственного секретаря до редактора газеты. В 1939 году вступил в ряды ВКП(б).

Отметим, что восхождение Рашидова вверх по карьерной лестнице было типичным для тех лет. Практически все будущие члены Политбюро, кто будет править страной вместе с Рашидовым в 1960-е – 1970-е годы, начали свое восхождение к вершинам власти именно тогда – в годы сталинской кадровой «революции сверху». Так, Леонид Брежнев в 1938 году перешел на партийную работу (стал заведующим отделом в Днепропетровском обкоме) с поста директора техникума. Юрий Андропов в 1937 году стал секретарем Ярославского обкома ВЛКСМ,

за год до этого закончив Рыбинский техникум водного транспорта. Алексей Косыгин до 1938 года был директором прядильно-ткацкой фабрики в Ленинграде, после чего был назначен на должность заведующего отделом Ленинградского обкома ВКП(б). Андрей Громыко, закончив экономический институт, трудился в Институте экономики АН СССР, после чего в 1939 году был призван на дипломатическую службу.

Однако было бы неверным объяснять восхождение этих людей к вершинам власти исключительно историческими причинами. Был в этом и субъективный фактор, то есть – личные качества этих людей. Например, у Рашидова это были целеустремленность, трудолюбие, гибкий ум и, конечно же, честолюбие. Не будь всех этих качеств, Рашидов никогда бы не смог добиться того, чего он достиг в жизни: восхождения на самый верх советской системы.

Глава 3

Десница Тимура

На посту редактора газеты Рашидова застала Великая Отечественная война. Между тем последней значимой журналистской акцией, в которой он участвовал буквально накануне войны, стало вскрытие гробницы великого Амира Тимура. Так звали древнего властителя Узбекистана, который правил страной с 1370 по 1405 год. Это он создал мощное государство со столицей в Самарканде, которое под его руководством разгромило Золотую Орду, а также покорило Иран, Закавказье, Индию, Малую Азию. С Тимура взяла свое начало династия Тимуридов, которая правила в Средней Азии до 1507 года (наиболее известными правителями этой династии, кроме самого Тимура, были: Шахрух (1377–1447), Улугбек (1394–1449), Бабур (1483–1530; последний основал в Индии в 1526 году династию Великих Моголов).

После смерти Тимур нашел вечный покой в усыпальнице Гур-Эмир в Самарканде (там же будут похоронены и все остальные тимуриды). Причем с момента погребения вход туда большинству простых смертных был строго запрещен и к могилам могли приближаться только несколько избранных мулл. Поэтому в предвоенные годы у многих ученых возникли серьезные сомнения в том, что великий Тимур похоронен именно в Гур-Эмире (например, академик Кара-Ниязов был уверен, что тело древнего правителя Узбекистана покоится в Афганистане, а ряд других ученых считали, что его прах спрятан в каком-нибудь богом забытом мавзолее в Шахрисабзе).

У этих версий были веские причины для существования, поскольку Тимур умер во время похода в Китай и тело его сразу похоронить не смогли и перевозили с места на место. В итоге в годы советской власти несколько раз поднимался вопрос о том, чтобы вскрыть гробницу Тимура и убедиться в том, что она не пуста. Однако церковные власти были категорически против подобного святотатства. В качестве одного из аргументов они приводили слова, которые были начертаны на могильных плитах в Гур-Эмире: «До нас были великие и будут после нас. Если же кто-то вознесется над другими, потревожит прах предков, то пусть постигнет его страшная кара».

Ситуация изменилась летом 1941 года, когда в дело вмешался сам Сталин. Согласно легенде, вождь всех народов с большим пиететом относился к Тимуру и, якобы, даже свою партийную кличку, ставшую затем фамилией – Сталин, придумал в честь древнего правителя Узбекистана (Тимур в переводе означает «стальной», «железный»). Говорят, что во второй половине 1930-х, когда по заданию Сталина в школах был введен новый учебник истории, туда было внесено и упоминание о Тимуре, как о правителе, который разбил Золотую Орду и спас Русь от ига.

Сталин убедил узбекское руководство в том, что вскрытие гробницы Тимура необходимо не только для научных целей, но и для пропагандистских. Мол, знаменитый скульптор Михаил Герасимов готов восстановить по скелетным останкам подлинный внешний облик Тимура и это даст возможность узбекам любоваться им не только на фресках (где был запечатлен условный облик великого правителя), а, так сказать, в натуральном виде. И хотя сомнения в правильности этого предложения все равно оставались, однако тогдашний руководитель Узбекистана Усман Юсупов не решился возражать Сталину.

Вскрытие гробницы Тимура было назначено на вторую половину июня 1941 года. В группу исследователей, которая должна была осуществить эту акцию, вошли: упоминаемые выше академик Кара-Ниязов (руководитель) и скульптор Герасимов, а также востоковед Семенов (он в совершенстве знал древние языки), писатель Садриддин Айни (он собирался написать роман о Тимуре), кинооператор Малик Каюмов (именно он снимал на камеру первую женщину Узбекистана, отказавшуюся от паранджи – 13-летнюю Таджихон Шадиеву, а также

запечатлел на пленку первых безграмотных узбечек, которые пошли учиться в школу – фильм «13 ласточек» – и многие другие эпохальные для советского Узбекистана события). Всего в группу исследователей вошло около десяти человек.

Между тем желающих попасть в знаменитую гробницу, куда нога большинства простых смертных никогда еще не ступала, было значительно больше и все они в те дни толпились у мавзолея. Был среди этих людей и 23-летний Шараф Рашидов, который специально пришел к гробнице, чтобы написать статью об ее вскрытии. Шансов на то, чтобы его мечта сбылась у Рашидова практически не было, однако случилось настоящее чудо. Ему удалось познакомиться с оператором Маликом Каюмовым и тот согласился взять его в свои помощники во время спуска в усыпальницу Тимура.

Вскрывать гробницы начали не с гроба Тимура, а с гробов его родственников-тимуридов (всего в усыпальнице было девять могил). Очередь до Тимура дошла только 21 июня. Однако едва рабочие стали отодвигать могильную плиту в сторону, как в усыпальнице разом погасли все осветительные приборы. Был немедленно объявлен перерыв и люди поспешили наверх.

И там с Каюмовым произошла поистине мистическая история.

К нему подошел незнакомый человек и сообщил, что в ближайшей чайхане с ним хотят встретиться некие старики. Оператор отправился на встречу. И действительно застал в чайхане трех стариков в халатах и тюбетейках. В руках одного из них он заметил старинную книгу. Именно этот старик обратился к оператору со странным заявлением. А сказал он следующее: «Запрети своим людям дотрагиваться до Тимура. Иначе будет очень плохо». Однако, увидев по лицу оператора, что тот им не очень доверяет, старик раскрыл перед гостем книгу и попросил его прочитать верхнюю строчку. А там значилось: «Прах великого Тимура не тронь, иначе начнется война!». Только тут Каюмов понял, что это не розыгрыш, и немедленно поспешил к своим коллегам. По его же словам:

«Коллеги подняли меня на смех, хотя и последовали в чайхану. Писатель-соцреалист Айни начал издеваться над стариками на фарси: «Сейчас погоню вас палками!». Мне стало стыдно за поведение моих старших товарищей. Но что я мог? Старики поджали губы, закрыли книгу и исчезли в ближайшей подворотне. Я бросился за ними, чтобы просить сняться на пленку вместе с их странным фолиантом, но стариков уже и след простыл. К этому моменту свет в подземелье был снова включен. Антрополог Герасимов отодвинул крышку последнего гроба. И, ликуя, извлек на свет божий кости ноги с огромной шишкой в коленной чашечке (согласно летописям, Тимур в одном из сражений был ранен в ногу и с тех пор хромал. – *Ф.Р.*). Эту кость передавали из рук в руки как величайшую драгоценность. Сенсация произошла. Мы все-таки нашли нашего Великого хромца!..».

Однако ликование исследователей длилось не долго – до следующего дня. Воскресным утром 22 июня 1941 года по радио сообщили, что на Советский Союз напала фашистская Германия. То есть предупреждение старцев полностью подтвердилось. Потрясенные этим открытием, исследователи немедленно позвонили руководителю Узбекистана Усману Юсупову и рассказали ему о встрече со старцами. На что Юсупов буквально закричал, что надо было сразу же сообщить ему об этой встрече, а теперь уже поздно. «Я снимаю с себя всякую ответственность!» – заявил глава республики и бросил трубку.

В тот же день экспедиция была свернута. Гробницу Тимура привели в надлежащий порядок, однако череп великого правителя было решено переправить в Москву с тем, чтобы Герасимов все-таки восстановил внешний облик древнего правителя для истории.

Глава 4

Идет война народная...

Тем временем вся страна поднялась на борьбу с фашистскими оккупантами. Поскольку уже с первых дней войны советские войска начали отступать под натиском агрессора, руководство страны приняло решение срочно эвакуировать многие промышленные предприятия и учреждения в глубь страны – на Урал и в Среднюю Азию. Именно в Ташкенте во время войны развернула свою деятельность часть киноработников московских киностудий (остальные сотрудники были рассредоточены по другим среднеазиатским республикам).

В годы войны в Узбекистане нашли убежище сотни тысяч людей. Так, только одних детей за годы войны туда было эвакуировано около 200 тысяч, причем большая их часть была взята жить в узбекские семьи. Например, семья кузнеца Шахмеда Шамахмудова взяла к себе 14 детей разных национальностей.

Мало кто знает, что больше года в Ташкенте прожил будущий кумир миллионов советских людей актер Андрей Миронов, который оказался в Узбекистане в возрасте... 6 месяцев. Приехал он туда вместе со своими родителями – популярными эстрадными артистами Александром Менакером и Марией Мироновой – и прожил в Ташкенте до октября 1942-го.

Как пишет историк Л. Левитин: «В истории узбекского народа годы войны – один из «звездных часов». В дни общенародного горя словно от прикосновения волшебной палочки ожили души людей, надломленные годами унижений, пробудились от века присущие узбекам терпеливость и терпимость, сострадание и доброта. За свою жизнь мне довелось беседовать со многими людьми, эвакуированными во время войны в Узбекистан, прожившими там эти тяжелые годы. И все они, без исключения, с теплотой и благодарностью вспоминали о Ташкенте и Самарканде, Андижане и Фергане, о тех людях, которые делили с ними хлеб, кров, тепло очага. И все они могли повторить сказанное Анной Ахматовой (тоже эвакуированной в Ташкент): «Кто мне посмеет сказать, что здесь злая чужбина?»...»

Тем временем уже к концу 1941 года почти половина всех промышленных предприятий Ташкента перешла на полный или частичный выпуск военной продукции. Кроме этого в городе были размещены более 100 предприятий, эвакуированные из других регионов страны. К началу следующего года в Ташкенте действовало 137 предприятий, из которых почти половина (64) выпускали военную продукцию. В городе также действовали более 20 госпиталей (общее число коек – 7650), 23 научно-исследовательских учреждения. Помимо кинематографистов в Ташкенте тогда жили и работали сотни других специалистов: например, одних крупных ученых и научных работников из Академии наук СССР было 375 человек (отметим, что в 1943 году в Узбекистане будет создана своя собственная Академия наук).

Шараф Рашидов застал лишь начало этого процесса, поскольку тем же летом 41-го (в августе) был призван в Красную Армию. Он был отправлен в пехотное училище, расположенное в столице Киргизии городе Фрунзе. И уже с первых же дней курсантов стали активно готовить к боевым реалиям: каждый день они совершали марш-броски в горах, учились стрелять, окапываться и т. д. Учеба должна была длиться около четырех месяцев, но все произошло куда быстрее. Уже в конце октября, из-за тяжелой ситуации на фронте, три батальона курсантов и весь сержантский состав Фрунзенской «пехотки» погрузили в эшелоны и отправили в действующую армию.

К тому моменту враг неумолимо рвался к Москве и Ленинграду. Так, широкомасштабное наступление на столицу началось 30 сентября ударом соединений правого крыла группы армий «Центр» по войскам Брянского фронта. На рассвете 2 октября группа армий «Центр» нанесла удары по войскам Западного и Резервного фронтов. Как и в начальный период войны, в голове наступающих фашистских войск шли танковые соединения, поддерживаемые авиа-

цией. Главный удар танковые дивизии наносили на узких участках фронта, вдоль основных коммуникаций, ведущих к Москве.

Не менее тяжелая обстановка сложилась и под Ленинградом. Наступление немецко-фашистских войск на северную столицу началось 10 июля с рубежа реки Великая. Враг рассчитывал в течение двух месяцев смять оборону города и уже к осени полностью захватить его. Но этот план потерпел поражение – Ленинград стоял насмерть. Однако, прорвавшись через станцию Мга и овладев 8 сентября Шлиссельбургом (Петрокрепостью), фашисты сумели отрезать Ленинград с суши и установили блокаду города. В октябре враг начал новое наступление – попытался прорваться к реке Свирь, чтобы соединиться там с финскими войсками и осуществить полную блокаду Ленинграда. Несмотря на упорное сопротивление советских войск, фашистам удалось 8 ноября захватить город Тихвин и перерезать железнодорожную магистраль, по которой шли грузы в Ленинград. Ситуация складывалась тяжелая. Именно в этот момент Ставка Верховного Главнокомандования и приняла решение перебросить на московское и ленинградское направления свежие силы – соединения с Дальнего Востока и из Средней Азии.

Отметим, что в годы войны на советско-германском фронте воевало более 330 тысяч узбеков. По этому показателю они занимали 7-е место среди других национальностей СССР (1-е было у русских – 19 миллионов 650 тысяч призывников; 2-е у украинцев – 5 миллионов 320 тысяч; 3-е у белорусов – 964 тысячи; 4-е у татар – 511 тысяч; 5-е у евреев – 434 тысячи; 6-е у казахов – 341 тысяча).

Еще в июле Сталин обратился к советским гражданам с речью, где рассматривал войну с фашистской Германией не как обычную войну между армиями, а «войну всего советского народа», «всенародную отечественную войну», «войну за свободу нашего Отечества». Не забыл вождь и национальные аспекты этой войны. Он говорил об опасности разрушения национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, узбеков, грузин, армян, азербайджанцев, молдаван, татар, литовцев, латышей и других народов Советского Союза, угрозе их онемечения, их превращения в рабов немецких князей и баронов. Как пишет историк А. Вдовин:

«В идеологической области все годы войны проводилась линия на укрепление патриотизма и межнационального единства народов СССР. В ряды Красной Армии призывались граждане всех национальностей, на фронте они сражались за общую Родину. В самую тяжелую пору войны, когда довоенная армия была, по сути дела, уничтожена врагом, а украинские и белорусские земли оккупированы, пришлось в большей мере использовать демографический потенциал неславянских народов СССР. Создавались национальные воинские формирования, в значительной мере из-за слабого знания русского языка призывниками. Национальные республики Востока приняли эвакуированные предприятия, вовлекались в налаживание их работы, вносили посильный вклад в общую борьбу. Укрепление братского содружества народов было одной из ведущих тем пропаганды и приносило свои плоды. Хотя в годы войны имели место многие случаи измены и предательства среди представителей разных национальностей, проявлялось и недоверие к некоторым народам, дружба народов в целом выдержала тяжелое испытание...».

Да, именно в годы войны прошла испытание боем та самая дружба народов, о которой на протяжении почти четверти века говорили и писали большевики. До этого все их декларации на этот счет в основном носили чисто теоретический характер, а в 1941-м настало время подлинной практики. И она со всей очевидностью доказала всему миру истинную мощь первого в мире многонационального государства. Ведь той же царской России создать дееспособный союз Центра и национальных окраин так и не удалось. Об этом говорили многочисленные факты, в том числе и восстание в Средней Азии, которое случилось за год до падения царизма – в 1916 году.

Поводом к нему стала мобилизация жителей этого региона (узбеков, казахов, киргизов и туркмен) на Первую мировую войну. Причем новобранцев предполагалось использовать не в качестве солдат на передовой (давать им в руки оружие царская власть опасалась), а всего лишь как чернорабочих в тылу (на строительстве траншей, окопов, блиндажей и т. д.). Однако даже эта безопасная работа возмутила призывников, которые не захотели служить царскому режиму. В итоге 32-летний казах Алиби Джангильдин поднял восстание, собрав под свои знамена более 20 тысяч воинов.

Отметим, что восставшим не хватало оружия, поэтому они обходились подручными средствами: сами ковали ножи, пики, изготавливали порох для берданок, отливали пули. Часть оружия захватывали у правительственных войск, нападая на их склады. Как ни старалась царская власть подавить это восстание, сделать это ей так и не удалось. Что неудивительно, поскольку это было настоящее национально-освободительное восстание, в котором объединилась вся Средняя Азия: в одном ряду плечом к плечу сражались как бедные слои населения, так и зажиточные.

Спустя каких-нибудь два года тот же Алиби Джангильдин с теми же воинами воевал уже на стороне большевиков, сформировав первые казахские части Красной Армии, которые бились насмерть с войсками атамана Дутова, белочехами и колчаковцами. За свои подвиги А. Джангильдин был награжден орденами Ленина и Боевого Красного Знамени. В войне 1941–1945 годов Джангильдин военного участия не принимал, однако, будучи заместителем председателя Президиума Верховного Совета Казахской ССР, участвовал в формировании отрядов для отправки на фронт, а также налаживал работу эвакуированной в Казахстан промышленности.

У узбеков таким человеком был Юлдаш Ахунбабаев, который, будучи выходцем из состоятельной семьи кашгарских (уйгурских) эмигрантов, после революции устанавливал Советскую власть в Узбекистане, боролся с басмачами, а потом долгие годы находился на руководящей государственной работе: возглавлял ЦИК (1925–1938) и Президиум Верховного Совета Узбекской ССР (1938–1943).

Скажем прямо, у кремлевского руководства поначалу были сомнения в том, что народы СССР в тяжелую годину единым фронтом поднимутся на борьбу с фашизмом. В конце сентября 1941 года, встречаясь в Москве с координатором американской программы ленд-лиза У.А. Гарриманом, Сталин обронил следующие слова: «Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию; не будет он сражаться и за советскую власть... Может быть, будет сражаться за Россию...».

Произнося эти слова, вождь в первую очередь имел в виду русский народ, составляющий большинство в СССР. Однако подспудно речь шла и о других народах, населявших страну и которые могли иметь серьезные претензии по отношению к Центру. Однако последующие события наглядно продемонстрировали и Москве, и всему миру, что все нанесенные советской властью обиды для жителей советских окраин отступили в сторону, и они в едином порыве взяли за оружие, чтобы защитить и советскую власть, и свои национальные интересы. По этому поводу уместно привести интересный документ – письмо воинов-узбеков, воевавших в составе войск 1-го Белорусского фронта, опубликованное в тогдашней советской печати. Приведу из него лишь небольшой отрывок:

«Война расширила наше понятие о Родине – священнейшей из всех святынь. Мы не могли и не можем представить себе великой Родины – Советского Союза – без нашего солнечного Узбекистана. Но теперь мы с особой остротой чувствуем, что Родина несравненно больше и шире, чем только Узбекистан. Нет нам Родины без единого союза братских народов, населяющих СССР! Нет нам Родины и жизни без ясного московского неба... Родина для нас – это и волжские берега, и степи Украины, и леса Белоруссии, обильно политые нашей кровью...».

Между тем понимая, что одной силой коммунистической идеологии врага не одолеть, высшее руководство страны обратилось за помощью... к религии. В итоге уже с осени 1941 года начались определенные подвижки в этом направлении. Например, в кинохронику стали включаться немыслимые еще недавно кадры: колокольный звон московских церквей; крестный ход, возглавляемый православным духовенством в полном облачении с высоко поднятыми крестами; встречи армейских колонн в освобожденных городах местными жителями с иконами; освящение танковой колонны, построенной на пожертвования верующих и т. д. Дальше – больше.

Весной 1942 года власти впервые способствовали организации празднования православной Пасхи. А в октябре следующего года был образован Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Народных Комиссаров СССР. Затем дошла очередь и до других религиозных объединений. Так, в дополнение к Духовному управлению мусульман, которое находилось в Башкирии (в Уфе), были созданы еще три самостоятельных управления: Средней Азии (в столице Узбекистана Ташкенте), Закавказья (в столице Азербайджана Баку) и Северного Кавказа (в Буйнакске). Эти управления занимались патриотическим воспитанием мусульман, собирали средства для семей фронтовиков и на постройку боевой техники, призывали верующих на перевыполнение плановых заданий и т. д.

О героических деяниях воинов-узбеков, призванных на фронт, наглядно свидетельствуют цифры. Так, более 120 тысяч призывников из Узбекистана за мужество и героизм были награждены орденами и медалями. 282 воина-узбека были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Среди последних: бухарец Азим Рахимов, ферганец Тохтасин Ахмедов, хорезмиец Сатым Нурматов, самаркандец Ишанкул Исмаилов, ташкентец Салих Умаров и др.

Рашидов тоже трусом не был и, будучи, по сути, необстрелянным новобранцем, вынужден был с ходу включиться в грандиозное сражение, развернувшееся на подступах к Москве в составе войск Северо-Западного фронта (командующий – генерал-лейтенант П. А. Курочкин), который растянулся от озера Ильмень (у Старой Руссы) до озера Селигер (у Осташкова). Причем ему, южанину, было особенно тяжело, поскольку морозы в те дни достигли отметки в 40 градусов (в Узбекистане таких морозов никогда не бывает). Однако Рашидов, как и тысячи других его земляков, плечом к плечу с представителями других народов СССР героически отражали атаки противника, прекрасно понимая, что значит для всей сражающейся страны падение Москвы. 3 ноября газета «Правда» в передовой статье отмечала следующее:

«Перед всеми нашими бойцами Можайского, Малоярославецкого, Волоколамского и Калининского направлений, перед всеми воинами, обороняющими подступы к Москве, стоит теперь величайшая историческая задача – выдержать и этот новый напор гитлеровских полчищ, встретить его железной стойкостью, мужеством, самоотверженностью... Мы должны истощить, измотать, обескровить фашистскую армию, похоронить на подмосковных землях новые немецкие дивизии. Мужественной защитой родной Москвы мы покажем путь к победе всем нашим войскам, дерущимся на других фронтах Великой Отечественной войны. Таков великий смысл происходящих и предстоящих битв».

Самоотверженность бойцов Красной Армии, состоявшей из людей самых разных национальностей, дала превосходный результат – фашисты были отброшены от стен Москвы. Контрнаступление советских войск началось 5–6 декабря и в нем приняли участие войска Калининского, Западного, правого крыла Юго-Западного (с 18 декабря – Брянского) и Северо-Западного фронтов. Последний силами четырех армий (27-я, 34-я, 3-я и 4-я ударные) наносил удары в направлении городов Малое Ельно, Холм, Торопец, Нелидово. Кроме этого, правое крыло Северо-Западного фронта участвовало в контрнаступлении на ленинградском направлении с целью отбросить соединения группы армий «Север» за реку Волхов.

16 декабря был освобожден город Калинин. Как написано в многотомной энциклопедии «История Великой Отечественной войны»: «Вступление частей Красной Армии в Кали-

нин превратилось в незабываемый праздник для жителей города. На улицы вышли женщины, старики, дети. Они обнимали бойцов и командиров, горячо благодарили их за избавление от фашистского ига, со слезами на глазах рассказывали о зверствах и разрушениях, чинимых гитлеровцами в Калинин. За короткий срок оккупации города немецкие захватчики вывели из строя городской транспорт, водопровод, средства связи. Фашисты сожгли здания городского театра, областного Совета депутатов трудящихся, областной клинической больницы, музея. В городе замерла торговля. Тысячи людей голодали.

Фашисты дорого заплатили за свои злодеяния. В боях за Калинин советские войска нанесли поражение шести немецким дивизиям, то есть половине состава 9-й армии. Только убитыми противник потерял свыше 100 тысяч солдат и офицеров. Наши войска захватили 31 танк, 9 самолетов, около 1900 орудий разных калибров, до 1 тысячи автомашин, 160 минометов, 303 пулемета, 4500 винтовок, 21 тысячу снарядов, 500 тысяч патронов...».

Разгром фашистов под Москвой и сопротивление жителей Ленинграда стали предвестниками будущей победы народов Советского Союза на гитлеровской Германией. Уже тогда многим стало ясно (в том числе и руководству Третьего рейха), что страна, которая так героически бьется буквально за каждую пядь своей земли (отметим, к примеру, что Франция капитулировала через 44 дня после начала войны), не может быть побежденной. Например, Ленинград. Взятый в кольцо врагом, холодный и полуголодный город являл всему миру чудеса мужества и стойкости. Всему миру тогда казалось, что жизнь в этом городе должна остановиться, а вместо этого там... справляли 500-летие великого просветителя Востока, узбека Алишера Навои. По этому случаю в декабре 1941 года в Эрмитаже был устроен торжественный вечер, на который собрались видные советские ученые, писатели, государственные и партийные деятели. Председательствовал на вечере академик И. А. Орбели. Вот как описывал происходившее там поэт Всеволод Рождественский:

«В эту минуту (когда со вступительным словом выступал И. Орбели. – *Ф.Р.*) мощный, глухой удар заставил содрогнуться воздух, и сразу же грянул второй удар, и на Неве взметнулся, рассыпая брызги и осколки льда, водяной столб. Фашисты обстреливали невские мосты.

– Спокойно, товарищи! – произнес, почти не повышая голоса, Орбели, – заседание продолжается...

И все остались на прежнем месте... Собрание продолжалось... Читались стихи из сокровищницы Навои, где все говорит о любви, светлой и вечной, облагораживающей сердце человека. И этот вечный призыв к Жизни и Счастью звучал как вызов дикому варварству и насилию. Стихи пятисотлетней давности звучали так, точно родились сейчас, в год жестокой и беспощадной борьбы Добра и Правды с мировым злом фашизма. В трагической тьме тяжелых испытаний образ свечи, зажженной гением Навои, становился не только образом Любви и Света, но и символом победы над царством тьмы в пору самых горестных волнений и тревог...».

Тем временем в январе 1942 года войска Северо-Западного фронта совместно с правым крылом Калининского фронта (командующий – генерал-лейтенант И. Конев) провели Торопецко-Холмскую операцию, в результате которой удалось прорвать оборону 16-й фашистской армии группы армий «Север» и продвинуться на 250 километров, обойдя с запада ржевско-вяземскую и глубоко охватить с юга демянскую группировки противника.

К тому времени Рашидов был выбран секретарем бюро ВЛКСМ батальона 38-й гвардейской дивизии. В архивах Министерства обороны СССР содержатся донесения о личной храбрости политрука Ш. Рашидова, проявленной им в боях. За это мужество в начале 1942 года он был награжден орденом Красной Звезды. Наград могло быть и больше, если бы не тяжелое осколочное ранение, которое Рашидов получил во время одного из боев.

Глава 5

Журналист и писатель

Лечение Рашидов проходил вдали от фронта – в городе Ревда Свердловской области. После нескольких месяцев пребывания там медики пришли к выводу, что дальнейшее прохождение воинской службы для Рашидова невозможно, поскольку ранение дало осложнение на сердце. В итоге его комиссовали и вернули на родину, в Джизак, предписав выбрать себе работу поспокойнее. Однако время тогда отнюдь не располагало к созерцательной деятельности. И Рашидов устроился работать директором школы, в которой некогда сам учился. Поскольку в то время в Узбекистане ощущалась серьезная нехватка учителей (многие ушли на фронт), Рашидову пришлось совмещать директорскую должность с преподавательской. Время было тяжелое: не хватало учебников, письменных принадлежностей, а из-за отсутствия преподавателей многие школы приходилось соединять: только в 1942 году такому объединению подверглись 110 школ. Чтобы восполнить недостаток педагогов, в республике были организованы курсы подготовки учителей (в 1943 году эти курсы выпустили 16 тысяч преподавателей).

Как вспоминают очевидцы, Рашидов достаточно споро справлялся со своими обязанностями. Причем, все из-за той же нехватки педагогов, ему приходилось вести сразу несколько предметов: литературу, историю, русский язык. И у него это хорошо получалось, учитывая, что Рашидов, как мы помним, обладал феноменальной памятью. Еще в молодости, когда он чуть ли не запоем читал книги по самым разным направлениям, он сумел обогатить свою память знанием многих интересных фактов и событий. Например, он знал множество разных легенд и преданий как из истории своего, так и других народов СССР. Теперь все это с лихвой пригодились ему в его преподавательской деятельности.

Между тем Узбекистан продолжает вносить свою посильную лепту в общую победу над врагом. Достаточно сказать, что если валовая продукция промышленности республики в 1940 году равнялась 2 миллиардам 189,9 миллионам рублей, то в 1943 году она уже равнялась 3 миллиардам 185,1 миллионам рублей. Из них значительную часть составила стоимость вооружения и боеприпасов. Кроме этого, Узбекистан продолжал давать стране «белое золото» (хлопок), а также «черное золото» (уголь). Если в 1940 году республика выдала «на гора» 3,4 тысячи тонн угля, то в 1943 году эта цифра составила 72,5 тысячи тонн. Выпуск химической продукции увеличился в 7,5 раза, добыча нефти – более чем в три раза. Всего за время войны в Узбекистане было введено в строй 280 новых промышленных предприятий. А колхозы республики сдали государству почти на 8,5 млн. пудов хлеба больше, чем в последнем предвоенном году. Кроме этого они продали государству около 2 млн. пудов из личных запасов.

Со сдачей хлопка ситуация выглядела несколько иначе. Если в 1940 году республика сдала 1383 тысячи тонн, то в 1943 году всего около 500 тысяч (то есть, недостача составила 1 миллион тонн!). Это было следствием нехватки людских ресурсов, техники, а также удобренных. В итоге в начале 1944 года Усмана Юсупова вызвали в Москву на заседание Оргбюро, где кандидат в члены Политбюро Александр Щербаков чуть ли не с порога бросил реплику: «Товарищ Юсупов, в такое тяжелое для страны время Вы хотите оставить армию и народ без штанов?». Покинул высокий кабинет руководитель Узбекистана со строгим выговором, который в перспективе не сулил ему ничего хорошего.

Огорченный несправедливостью своего наказания, Юсупов тем же вечером, прямо из номера гостиницы, позвонил Лаврентию Берии. Выслушав его претензии, тот произнес только одну фразу: «Немедленно приезжай ко мне». Когда Юсупов приехал, Берия повез его на дачу к Сталину. И там произошло неожиданное – вождь не дал в обиду Юсупова. Более того, даже сделал ему подарок. Когда Юсупов вошел в кабинет Сталина и мельком взглянул на настенные часы, вождь поинтересовался: «Товарищ Юсупов, у тебя нет часов?». Получив утвердитель-

ный ответ, Сталин тут же подарил гостю свои собственные наручные часы (этот эпизод много позже будет отражен в художественном фильме о Юсупове, снятом узбекскими кинематографистами).

Результатом этой встречи станет то, что строгий выговор Юсупову будет отменен, а союзным министерствам будет дано указание оказать нужную помощь Узбекистану в сборе хлопка.

В итоге осенью того же 1944 года республика выполнит план по сдаче хлопка государству: будет сдано 820 тысяч тонн, что на 325 тысяч тонн больше, чем в предыдущем году. Всего же за годы войны Узбекистан сдал государству 4 миллиона 800 тысяч тонн «белого золота».

Отметим также, что за годы войны трудящиеся Узбекистана внесли из личных сбережений в фонд обороны 650 миллионов рублей, кроме этого в этот фонд поступило 4226 млн. рублей от государственных займов, выкупленных населением республики. На эти средства были построены танковые колонны и эскадрильи «Советский Узбекистан», «20 лет Узбекистана», «Колхозник Узбекистана», «Комсомолец Узбекистана», которые героически сражались на фронтах Великой Отечественной войны.

Чуть меньше года Рашидов пробыл на посту директора школы. Затем, учитывая его предвоенный журналистский опыт, его вернули на прежнюю работу – назначили редактором все той же самаркандской областной газеты «Ленин йули» («Ленинский путь»). А спустя год – в июле 1944 года – Рашидов делает очередной шаг вверх: переходит на партийную работу. И это вполне объяснимо. Во-первых, в пору своего редакторства он проявил отменные качества руководителя, знающего людей и умеющего с ними работать, во-вторых – в те годы в партийных органах страны остро ощущалась нехватка опытных кадров, поэтому такие деятели, как Рашидов (молодые, амбициозные, да еще с фронтовым опытом) нужны были партии позарез. Все это и приводит к тому, что Рашидова назначают секретарем Самаркандского обкома ВКП(б), причем доверяют ему один из самых ответственных участков – подбор кадров. Все это было не случайно, а прямо вытекало из личностной характеристики Рашидова: ведь он не только хорошо разбирался в людях, но и умел налаживать с ними нужный контакт.

Отметим, что работа на этом посту самым существенным образом поможет Рашидову в его дальнейшей карьере: он наберется определенного опыта в партийных делах и познакомится с людьми, которые в скором времени помогут ему в дальнейшем восхождении на самый верх политического Олимпа.

Между тем возвышение Рашидова совпало с трагедией в его семье: 3 июля из жизни ушел его дядя Хамид Алимджан. Отметим, что на тот момент слава его уже гремела на всю страну. А в самом Узбекистане Алимджан был одним из самых влиятельных литераторов, с 1939 года возглавляя республиканский Союз писателей (в 1943 году он стал членом-корреспондентом Академии наук Узбекистана). Его перу принадлежали такие произведения, как поэмы «Айгуль и Бахтияр» (1938), «Симург» и «Край» (обе – 1939), «Счастье» (1940), «Зейнаб и Аман» (1941). Не менее плодотворно развивалась творческая карьера Алимджана и в годы войны, когда он написал еще целый ряд значительных произведений: сборник стихов «Возьми оружие в руки!» (1942), историческую драму «Муканна» (1943), поэму «Слезы Роксаны» (1944).

Смерти Алимджана сопутствовала нелепая случайность. В тот день он возвращался в Ташкент из области на грузовике. Причем ехал в кузове вместе с четырнадцатью своими коллегами-писателями. На одном из поворотов водитель не справился с управлением и грузовик перевернулся. Пострадали все, кто находился в кузове, получившие травмы различной тяжести. Однако только у одного человека эти травмы оказались несовместимы с жизнью – у Алимджана. На момент смерти ему было всего 34 года.

Отметим, что жена Алимджана поэтесса Зульфия (по фамилии – Исроилова – в Узбекистане ее никто не называл) после гибели мужа больше ни с кем не свяжет свою судьбу. В одном из своих стихотворений она напишет: «Как лед разлуки потускнел мой голос, живу одна, на

сердце камень положив». На похоронах мужа Зульфия поклянется писать двумя карандашами – за него, и за себя. И каждую весну, которую он так любил, Зульфия будет посвящать ему одно стихотворение.

Что касается Рашидова, то для него гибель дяди была не меньшей трагедией. Ведь именно этому человеку он был многим обязан, в том числе и тем, что литература стала одним из главных дел в его жизни. Поэтому, когда Рашидов станет руководителем Узбекистана, он много сделает для того, чтобы увековечить память о Хамиде Алимджане в республике. Но вернемся в середину 1940-х.

Партийная должность Рашидова не становится преградой для его второй ипостаси – литературной деятельности. В ту пору он продолжает писать, причем как прозу, так и стихи. Естественно, учитывая фронтовой опыт Рашидова, многие тогдашние его произведения посвящены войне. И вот уже в 1945 году в свет выходит его дебютная книга стихов «Мой гнев», посвященная победе советского народа над фашистской Германией. Нельзя сказать, что стихи Рашидова представляли из себя нечто необычное – они вполне укладывались в русло официальной советской поэзии. Однако их несомненным достоинством было то, что в основе каждого из них лежали мысли и чувства человека, который не понаслышке, а воочию видел самую страшную войну в истории человечества. В результате выход этого сборника не остается незамеченным: Рашидова принимают в Союз писателей Узбекистана.

Отметим, что в годы войны большие потери понесли все народы СССР. Среди погибших военнослужащих по национальному составу наибольшие потери понесли русские – 5,7 миллиона человек (66,4 % всех погибших), украинцы – 1,4 миллиона (15,9 %), белорусы – 253 тысячи (2,9 %), татары – 188 тысяч (2,2 %), евреи – 142 тысячи (1,6 %), казахи – 125 тысяч (1,5 %), узбеки – 118 тысяч (1,4 %), другие народы СССР – 8,1 процента. Всего та война унесла жизни более 26 миллионов советских людей. Кроме этого, в центральных районах страны была разрушена практически вся промышленная инфраструктура. Однако даже в столь тяжелой ситуации у людей нашлись силы для того, чтобы в кратчайшие сроки поднять разрушенную экономику на ноги. В итоге уже в 1948 году в СССР была отменена карточная система (Советский Союз это сделал первым из всех воевавших стран) и промышленное производство перекрыло довоенный уровень.

Не отставал от этого процесса и Узбекистан. Главной отраслью сельскохозяйственного производства там продолжало оставаться хлопководство. Без него в стране не могли развиваться не только легкая и пищевая, но и некоторые отрасли тяжелой промышленности – автомобильная, авиационная, электротехническая, химическая, оборонная (из хлопка получали порох). Короче, по своему значению в экономике страны хлопок занимал одно из ведущих мест. Причем хлопок именно узбекский, поскольку почти 60 % общесоюзного «белого золота» давал Узбекистан (далее шли: Туркмения, Таджикистан, Азербайджан, Казахстан и Киргизия). В итоге, например, большая часть одежды, в которую одевались советские люди, выпускалась легкой промышленностью страны на основе именно узбекского хлопка.

Конечно, издержки у этого процесса тоже имелись. Например, безудержная гонка за валом приводила к тому, что посевы хлопчатника росли быстрее прироста поливных земель. Все это вело ко все большему напряжению баланса поливных земель, к недостаточному выделению земель под продовольственные и кормовые культуры. То есть, вместо того, чтобы в равной мере выращивать у себя и хлопок, и зерно, и фураж, Узбекистан вынужден был делать основной упор на выращивание хлопка, а зерно и фураж (как и многое другое) завозить из соседних республик.

Между тем первые послевоенные годы в истории узбекской экономики принято считать «золотым веком». Если до войны главным направлением индустриализации в Узбекистане было превращение его в одного из поставщиков сырья для промышленных предприятий в России (Москва, Ленинград, Западная Сибирь), то после войны это положение коренным образом

изменилось. Поскольку именно в Среднюю Азию была эвакуирована большая часть промышленных предприятий из Центра (только на территории Узбекистана тогда оказались 48 машиностроительных, металлообрабатывающих, химических и других предприятий тяжелой промышленности, 45 предприятий легкой промышленности и т. д.), это помогло «вливать кровь» в саму узбекскую экономику. И в республике была создана собственная угольно-металлургическая база для обеспечения потребностей ее развивающейся промышленности.

Тем временем в 1947 году Узбекистан фактически провалил план по сбору хлопка: сдал государству 1 миллион 500 тысяч тонн, что было на 365 тысяч тонн меньше, чем в прошлом году (план выполнили только на 76,4 %). Это было следствием плохих погодных условий: очень холодным выдался апрель, потом шли дожди, которые затянулись до середины июня (во многих районах хлопчатник пришлось пересевать дважды, а то и трижды; в мокром грунте при низкой температуре семена не прорастали, а гнили). Кроме этого, остро ощущалась нехватка бензина и керосина, из-за чего простаивала техника. Однако Москву мало интересовали эти причины – ей нужен был план любой ценой и никакие ссылки республиканского руководства на побочные явления не могли ее разжалобить. Усмана Юсупова вызвали в столицу для «разбора полетов». О том, что произошло дальше, рассказывают его биографы – Б. Ресков и Г. Седов:

«Юсупов ехал в Москву по вызову Политбюро, надеясь, что примут во внимание то огромное, что было сделано Узбекистаном в годы войны, от которых отошли едва на шаг. Республика же и после победы не замыкалась в кругу только своих забот. На Украину, в Краснодарский и Ставропольский края отправили в помощь разрушенным колхозам две тысячи тракторов и автомобилей, сотни паровозов, несколько тысяч отремонтированных вагонов, восемь тысяч лошадей, 170 тысяч овец и коз. Сотни добровольцев восстанавливали Сталинград, Донбасс...

– Кто дал вам право забросить хлопок? Стране хлопок крайне необходим, – сказали ему.

Он услышал многое такое, от чего он, умеющий настраивать себя не на похвалу, а прежде всего на критику, пришел с заседания, затянувшегося за полночь, мокрый. Это в 25-градусный московский мороз!

Ему и председателю Совнаркома республики Абдурахманову объявили по выговору. Но суть не во взыскании. Он все думал, где была допущена ошибка; не позволял ни себе, ни другим (помощники Попов, Кудрин хорошо это знали и потому сочувственно молчали) находить оправдания, хотя ему, как каждому человеку, которого корят за упущения, сделать это было нетрудно.

– Партия нас критикует за дело и для того, чтобы мы работали лучше, – фраза эта была для Юсупова наполнена живым смыслом.

Был он, разумеется, подавлен, мрачен, возможно, полон невеселых размышлений о будущем – своем, а не республики; на этот счет сомнений не было. Соберутся умные головы, агрономы, ирригаторы, хозяйственники. Найдут выход, чтоб был хлопок. Да и год на год не приходится. Холодная, долгая весна в Узбекистане исключение. Но никому никогда Юсупов не признавался ни в слабостях своих, ни в сомнениях. Достоверно известно только, что на другой день он был приглашен на дачу ЦК и там Сталин поднял за него тост:

– Тебя обсудили, наказали, но ты талантливый человек, самородок, большой друг своего народа. Мы в тебя верим...».

В следующем году ценой невероятного напряжения сил Узбекистану удалось сдать государству 1 миллион 519 тысяч тонн хлопка-сырца, что на 19 тысяч было больше прошлогоднего показателя (и на 136 тысяч тонн превышало уровень 1940 года). В том же году выпуск промышленной продукции в республике по сравнению с тем же 1940-м вырос более чем на 40 %, а производительность труда – на 62 %.

Однако ситуация в Узбекистане все больше волновала Москву – там считали, что республиканское руководство явно не справляется со своими обязанностями. Однако снимать

Юсупова Сталин сразу не хотел, видимо, опасаясь наломать дров. Поэтому в конце 1940-х был учрежден институт Уполномоченного ЦК ВКП(б) по Узбекистану (напомним, что Москва имела в каждой из республик свои «глаза и уши» в лице 2-х секретарей; в Узбекистане им был с начала 1940-х Константин Ефимов). В Ташкент был направлен работник центрального аппарата ЦК Семен Игнатьев и еще десяток специалистов по основным отраслям хозяйства и культуры. Эта бригада должна была на месте разобраться с ситуацией в республике и дать Москве свои выводы по ней.

Тем временем Рашидов продолжает трудиться в должности секретаря Самаркандского обкома. Причем работа у него была отнюдь не кабинетная: он много и часто разъезжает по Узбекистану, участвуя во всех тогдашних крупнейших стройках, в том числе и в освоении целинных земель Центральной Ферганы, в строительстве Фархадской ГЭС (стройка началась в 1943 году, а Рашидов приехал туда годом позже вместе с десантом из 10 тысяч человек). Его активная деятельность на этом поприще обращает на себя внимание его земляков-самаркандцев, обосновавшихся в высшем партийном аппарате в Ташкенте. В итоге они делают все от них зависящее, чтобы помочь Рашидову перебраться в столицу. И в 1947 году он переезжает в Ташкент, чтобы занять должность ответственного редактора республиканской газеты «Кызыл Узбекистон» («Красный Узбекистан»). Тогда же Рашидов поступает на учебу в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б) (заочное отделение), что явно свидетельствует о том, что в перспективе он надеется продолжить свое восхождение по партийной линии.

Вполне благополучно складывалась и личная жизнь Рашидова: на тот момент он был уже женат (супругу звали Хурсан Гафуровна) и у него росли двое детей: сын Ильхом (Володя) и дочь Сайера (чуть позже на свет родятся еще две дочери).

Между тем редакторская должность становится большим подспорьем для Рашидова в его литературной деятельности: именно в том период он начинает работу над своим первым крупным прозаическим произведением – повестью «Победители», в которой рассказывается о борьбе узбекского народа за освоение целинных земель. По тем временам это была достаточно актуальная книга, которая рассказывала о борьбе молодых новаторов, которые выступали за решительные меры по изменению оросительной системы в республике, против консерваторов, которые эти меры считали утопией и предпочитали не рисковать, оставив все как есть.

Новая система орошения, на которую узбекские колхозы и совхозы стали переходить в конце 1940-х – начале 1950-х годов предполагала, что вместо больших участков земли в 1,5—10 га с мелкими оросительными каналами будут орошаться крупные участки земли в 10–20 га и более. Это позволило бы применить современную ирригационную технику, более эффективно использовать машины и механизмы, сократить непроизводительные расходы воды, повысить производительность труда. В итоге все это должно было содействовать восстановлению посевных площадей, сократившихся в период войны. Так, если в 1945 году вся посевная площадь в Узбекистане была 2 478,8 тысяч га, то в 1950 году, благодаря новой системе орошения она почти приблизилась к довоенному уровню и достигла 2 898,5 тысяч га.

Рашидов прекрасно знал ситуацию в сельском хозяйстве республики, поэтому и посвятил свою первую повесть именно этой теме. В «Победителях» главные герои – молодая председатель сельсовета в кишлаке Алтынсай Айкиз Умурзакова и ее возлюбленный, комсомольский вождь (позднее, вернувшись с фронта, он станет секретарем парторганизации) Алимджан – выступают именно как новаторы: они хотят перекрыть реку Алтынсай плотиной, построить водохранилище и с его помощью дать возможность веками томившейся без воды Голодной степи эту воду наконец получить. Против этих планов выступает перестраховщик Кадыров – председатель того же колхоза.

Отметим, что конфликт «старого и нового» в те годы был главным стержнем всей тогдашней советской литературы. Однако в узбекской именно Шараф Рашидов оказался в числе первооткрывателей этой темы. Его повесть «Победители» увидела свет в 1951 году (семь лет спу-

стя выйдет продолжение – роман «Сильнее бури») и следом одно за другим на свет появились другие произведения, исследующие эту же тему: «Хилал» Ибрагима Рахима, «Голодная степь» Хамида Гуляма, «Птичка-невеличка» Абдуллы Каххара и др.

Между тем Рашидов выступает и как публицист: пишет статьи на актуальные темы как республиканского, так всесоюзного и международного направлений. На этом поприще он становится широко известен во влиятельных кругах московской интеллигенции. Так, Рашидов близко сходится с писателем Александром Фадеевым, который в те годы занимал посты генерального секретаря Союза писателей СССР и вице-президента Всесоюзного Совета мира (на оба поста был назначен в 1946 году).

В те годы уже вовсю бушевала «холодная война», которую Запад развязал против СССР и его союзников сразу после другой войны – Второй мировой. Отправной точкой этого мирового конфликта принято считать речь премьера-министра Великобритании У. Черчилля, которую он произнес в марте 1946 года. Судя по всему, для Сталина такой поворот событий не стал большой неожиданностью – он был умный и дальновидный политик, поэтому прекрасно отдавал себе отчет в том, что антигитлеровская коалиция, созданная в годы войны, недолговечна, и что союзники СССР по Второму фронту останутся таковыми, что называется, «до ближайшего поворота». В 1946-м этот поворот и наступил. Однако готовиться к нему Сталин стал загодя, всемерно укрепляя вертикаль власти и идеологию.

Отметим, что во многих своих тогдашних начинаниях Сталин черпал опыт в далекой истории, а именно – в событиях времен Византийской империи (сразу после революции все ученые-византологи были репрессированы, но с 1943 года Сталин вновь возобновил изыскания в этой области), а также во времена правления Ивана Грозного. В этом интересе вождя к событиям «старины глубокой» не было ничего странного, если учитывать, что и Византия, и Иван Грозный тоже вели свою «холодную войну» с «просвещенным Западом», а Византия даже пала благодаря его предательству. И корни той «холодной войны», которую в XX веке объявил Запад Советскому Союзу, питались теми же соками, что и многие столетия назад.

Например, значительная часть византийской интеллигенции, плененная западными ценностями, по сути, предала свою родину. Ту же самую ситуацию наблюдал в своей стране и Сталин. Поэтому, желая не допустить повторения византийского краха, советский вождь предпринял мощную атаку на тех советских интеллектуалов, кто оказался под влиянием западной идеологии. Эта кампания получила название «борьбы с космополитизмом». На острие ее оказались практически все крупные советские идеологические работники, в том числе Александр Фадеев (в Москве) и Шараф Рашидов (в Узбекистане).

Началом кампании принято считать события ноября 1948 года, когда на творческой конференции в Москве группа театральных критиков (большинство из них составляли евреи, которых явно вдохновило появление на свет в мае 1948 года государства Израиль) подвергла массовой атаке творчество таких литераторов-государственников, как Фадеев, Софронов, Сурков и ряд других (большинство из них были русскими). Судя по всему, острие этой атаки было направлено против Фадеева, которого таким образом его недруги собирались дискредитировать перед руководством страны и на декабрьском пленуме ЦП СССР сместить с поста руководителя писательской организации. Однако за Фадеева заступился сам Сталин.

По команде вождя 28 января 1949 года в газете «Правда» была опубликована статья «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», которая была оперативно перепечатана всеми ведущими республиканскими органами печати, в том числе и в Узбекистане. В этой статье целая группа театральных критиков (А. Гурвич, И. Юзовский, А. Борщаговский, Я. Варшавский, А. Малюгин, Г. Бояджиев, Е. Холодов) были обвинены в том, что они «утратили свою ответственность перед народом» и «являются носителями глубоко отвратительного для советского человека, враждебного ему безродного космополитизма».

Между тем кампания, начатая в Москве, автоматически перекинулась и в республики, что вполне естественно, поскольку Центр был заинтересован в том, чтобы приструнить окраины, где высшая элита, имевшая несомненные заслуги в общем разгроме фашизма, могла захотеть обрести большую самостоятельность, чем того хотелось Центру. Поэтому в большинстве республик борьба велась не только с космополитами, но и с националистами. Например, в Узбекистане тогда существовали три группы деятелей литературы и искусства, которые стояли на разных идейных позициях.

Представители первой группы («космополиты») критически оценивали все, что было сделано не только в советский период, но и на протяжении всей многовековой истории Узбекистана. Даже великие творения национальной музыки, песни, поэзию, национальные музыкальные инструменты и многое другое они объявляли архаичным, устаревшим, ратовали за то, чтобы, как они выражались, перейти к новому, современному и внедрить в республике «новые жанры искусства – балет, оперу, симфонию и др.». Только тогда, утверждали они, узбекская культура сможет обогатиться и подняться на мировой уровень.

Представители второй группы («националисты») отстаивали самобытность узбекского искусства, доказывая, что именно своими национальными корнями – пением, музыкальным исполнением, оно обогатит мировую культуру и займет в ней достойное место.

Наконец, в третью группу («центристы-государственники») входили те, кто выступал за развитие узбекских литературы и искусства в тесном контакте с русским искусством. Они отстаивали необходимость сочетания различных жанров, всемерного развития и широкого внедрения тех же балета, оперы, симфонии и других общеизвестных в мире жанров, но без выпячивания их западных корней.

Отметим, что борьба с национализмом в том же Узбекистане велась практически не прекращаясь на протяжении всего периода существования там Советской власти. Другое дело, что масштабы ее и интенсивность в разные периоды были разными: она то вспыхивала, то затухала. Однако именно после войны «угли» этой борьбы стали усиленно раздуваться. Еще в августе 1946 года на XIV Пленуме ЦК КП Узбекистана отмечалось, что «в ряде научных и художественных произведений имели место ошибки националистического толка. Со стороны отдельных исследователей и историков делались плохо прикрытые попытки идеализации феодального прошлого, слюнявого умиления перед этим прошлым...».

Гораздо интенсивней огонь этой борьбы запылал в конце 1940-х, когда Центр объявил «борьбу с космополитизмом». «Бригаде Игнатьева», которая, как мы помним, именно тогда начала свою деятельность в Узбекистане, было дано указание подготовить списки тех деятелей узбекской литературы и искусства, кто в своих воззрениях стоял на позициях космополитизма и национализма. В итоге такой список был составлен – в него вошли около 60 видных деятелей узбекской литературы и искусства.

Надо отдать должное тогдашней узбекской власти, которая не стала слепо следовать всем указаниям Москвы. В мемуарах Н. Мухитдинова (а он тогда был главным идеологом в республике) можно найти рассказ о том, как он вместе со своими соратниками по Бюро ЦК КП Узбекистана сопротивлялись реализации репрессий против заявленных в упомянутом списке людей. В итоге жертв гонений оказалось значительно меньше, чем предполагалось ранее.

Как уже говорилось, не мог остаться в стороне от этой борьбы и Шараф Рашидов. При чем на него удары наносились сразу с двух сторон: из писательской среды (за его дружбу с Александром Фадеевым), и из партийной (за его прекрасные перспективы, которые сулили ему продолжение карьерного роста уже в ближайшем будущем). Все это и стало поводом к тому, чтобы в самом начале марта 1949 года на 10-м съезде КП Узбекистана недоброжелатели решили поднять вопрос о смещении Рашидова с поста редактора влиятельной газеты.

С разгромной речью против Рашидова на партийном форуме выступили сразу двое ораторов, которые прямо обвинили его в идеологических ошибках. Понимая, откуда дует ветер

и что нападки на этом не прекратятся, Рашидов в перерыве между заседаниями подошел к 1-му секретарю ЦК КП Узбекистана Усману Юсупову, который всегда относился к нему с уважением. Поделившись с ним своими подозрениями, Рашидов прямо спросил у Юсупова: не подать ли ему в отставку? Хотя тот явно сам был в растерянности от случившегося (после приезда в Ташкент «бригады Игнатьева», кресло под ним уже закачалось), однако пообещал Рашидову свою полную поддержку. В результате сразу после перерыва он предоставил ему слово в прениях и во время этой речи репликами всячески его поддержал. Для инициаторов антирашидовской кампании это стало сигналом к отступлению (но они не сложили оружия).

Между тем уйти в отставку с редакторского поста Рашидову все равно пришлось: в июле 1949 года он возглавил Союз писателей Узбекистана. Судя по всему, это произошло при прямом вмешательстве Москвы, а если конкретно – с помощью Александра Фадеева, который не забыл позиции Рашидова во время кампании «по борьбе с космополитизмом». Поэтому, когда в том же году Рашидов приехал в столицу, чтобы участвовать в Первой Всесоюзной конференции сторонников мира, именно Фадеев провозгласил тост за главу делегации Узбекистана: «Горжусь своим братом Рашидовым, партийным работником, талантливым художником слова».

Вечером того же дня Фадеев и его заместитель в СП СССР Константин Симонов пришли в номер гостиницы, где жил Рашидов, и проговорили с ним до утра. Фадеев тогда выступил в роли провидца, сказав хозяину номера следующие слова: «Знаю, что тебя ждет большая партийная, государственная деятельность, и как родной брат советую – никогда не оставляй творчество».

Отметим, что в годы горбачевской перестройки, когда к власти в стране будут рваться именно космополиты, ими на страницах печати будут вылиты тонны грязи в адрес Рашидова. Припомнят они ему и его дружбу с А. Фадеевым, и его позицию в кампании «по борьбе с космополитизмом». Вот как, к примеру, в журнале «Огонек» (главном тогдашнем рупоре либерал-перестройщиков) на этот счет выскажется писатель Тимур Пулатов:

«Писатель М. Исмаили, работавший в конце сороковых годов вместе с Рашидовым в редакции газеты «Кызыл Узбекистон», рассказывал, как будущий руководитель республики восторгался Сталиным, его разоблачениями «врагов народа». Занимавший одно время должность председателя Союза писателей Узбекистана, Рашидов принимал деятельное участие в сменявших друг друга кампаниях «борьбы против космополитизма» и «против национализма» в среде писателей...».

Глава 6

Президент

На посту «главного писателя» Узбекистана Рашидову суждено было пробыть недолго – чуть больше одного года. Летом 1950 года в Узбекистане начинаются очередные пертурбации во властных структурах, которые затронули и Рашидова. Отметим, что затеяны они были не самими узбеками, а Москвой, которая, наконец приняла окончательное решение о замене республиканского руководства.

Напомним, что долгие годы при Юсупове (а он руководил республикой 12 лет) Узбекистан был на хорошем счету у Центра. Особенно большую лепту республиканская организация внесла в общесоюзную копилку в годы войны став, по сути, главным промышленным регионом для воюющей страны. Сталин не забыл Юсупову этой помощи и когда в 1946 году затеял смену руководящих элит в Средней Азии (в Казахстане и Таджикистане), Узбекистан он не тронул. Однако спустя четыре года доверие вождя к Юсупову иссякло, поскольку тот явно не справлялся с проведением кампании по борьбе с космополитизмом и национализмом в республике. В итоге в августе 1950 года Юсупов был снят со своего поста.

Тогда же заменили и руководство Киргизии, причем поводом к этому стало все то же – недовольство Москвы проведением идеологической кампании. Вот как об этом пишет историк Л. Левитин:

«Ход борьбы с кыргызским эпосом «Манас» носил по тем временам весьма специфический характер. Неожиданно для Москвы кыргызы, в том числе их политическая элита, мужественно и открыто выступили в защиту своего великого культурного наследства. И уж совсем необычным стало то, что статьи в защиту «Манаса» публиковала издававшаяся на кыргызском языке газета «Кызыл Кыргызстан», орган ЦК компартии Киргизии.

В Москве забеспокоились. Под эгидой центра в столице Киргизии была проведена весьма представительная научная конференция, в которой приняли участие известные российские ученые и представители других союзных республик. Однако и эта конференция, с ее многодневными спорами и борьбой взаимоисключающих мнений, не дала, в сущности, никаких результатов. Стороны остались на своих позициях. Защитники «Манаса» не согнули головы перед Москвой. Естественно, после этого последовали политические, точнее кадровые решения, главные протагонисты разыгравшейся драмы из местной политической элиты лишились своих постов...».

К власти в Киргизии пришел Исхак Раззаков, который считался представителем южного клана, однако фактически был компромиссной фигурой (он родился в Ташкенте и долгое время жил вне Киргизии, поэтому был приведен к власти как альтернативный кандидат, удовлетворяющий оба клана – северный и южный).

Однако вернемся к Узбекистану. Там сняли не только Усмана Юсупова и 2-го секретаря ЦК Константина Ефимова (первый был назначен министром хлопководства СССР, а второй его помощником), но и ряд других высокопоставленных деятелей. Одновременно с этим упразднили институт Уполномоченного ЦК ВКП(б) по Узбекистану, который, по мнению Москвы, выполнил свою функцию. Однако если С. Игнатьева отозвали в Москву (его сначала назначат заведующим отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК, а через год посадят в кресло председателя союзного МГБ), то большинство его сотрудников оставили в Узбекистане и назначили на ответственные должности в партийных и государственных органах.

Сменщиком Юсупова стал его же земляк из ферганского клана Амин Ниязов, который в 1947–1950 годах занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета республики. «Глазами и ушами» Москвы (то есть 2-м секретарем ЦК КП Узбекистана) стал Роман Мель-

ников. Остальные высшие посты в Узбекистане были поделены между представителями двух других кланов: ташкентского и самаркандского. Так, Председателем Совета Министров стал «ташкентец» Абдураззак Мавлянов (он сменил своего же «ташкентца» Абдужабара Абдурахманова, который занимал этот пост с 1938 года!), а в кресло Председателя Президиума Верховного Совета Узбекистана сел наш герой – «самаркандец» Шараф Рашидов.

Отметим, что протеже Рашидова выступил сам Юсупов, который, как мы помним, неоднократно покровительствовал ему и раньше. В апреле 1950-го именно Юсупов на Пленуме ЦК КП Узбекистана внес предложение избрать Рашидова членом Бюро ЦК, после чего рекомендовал его на пост Председателя Президиума Верховного Совета республики (фактически – президент). Августовская сессия утвердила Рашидова в этой должности. Все это ясно указывало на то, что «ферганцы» по-прежнему удерживают в своих руках высшую власть (партийную), уступая представителям других кланов власть второстепенную, поскольку пост президента был из разряда символических – этакий «свадебный генерал», который подписывает указы, награждает республиканских знаменитостей, встречает глав зарубежных делегаций, ездит с ними по республике и т. д.

Несмотря на то, что по Конституции Верховный Совет (парламент) должен был играть главную роль в советской государственной системе (принимать законы), по сути, все законы в стране принимала партийная власть (Политбюро ЦК КПСС), а депутаты ВС их только утверждали (штамповали). Поэтому в номенклатурной иерархии высшие чины Верховного Совета шли последними. Вот как это описывает один из сотрудников Президиума ВС СССР Ю. Королев:

«Когда в 1936 году ЦИК и Совнарком разделились (на новый Верховный Совет и Совнарком), то поделили между ними и так называемую материальную базу. О том, кого в государстве считали главным, а кого – второстепенным, свидетельствуют результаты раздела. В основном почти все досталось Совнаркому, то есть правительству, которое, как известно, и формируется парламентом (в нашем случае – Верховным Советом), и подотчетно ему. В распоряжение Совнаркома перешли дома отдыха, столовые, специальные базы, закрытые ателье, такие же закрытые для простых смертных больницы и поликлиники. Лишь высшее руководство Верховного Совета (а это несколько человек) имело право на привилегированное обслуживание. Зато работники Совнаркома (не только высшие, но даже и рядовые) получили все остальное.

Говорю это не из запоздалой зависти, я ведь тоже пользовался привилегиями, пусть не такими, как работники правительственного аппарата, но о которых миллионы советских людей и мечтать не могли. Говорю об этом, чтобы лишний раз показать запланированно приниженную роль парламента страны, а значит, и ее президентов. И зарплата в Президиуме была на треть меньше, и столовые похуже (хотя, повторяю, с общедоступными равнять нельзя), и путевки в дома отдыха более скромные, чем для работников Совнаркома. Сделано это было для того, чтобы законодатели знали свой «шесток» и не особенно мнили о себе. От них требовалась скромность...».

Провозгласив лозунг «Вся власть Советам!», большевики в итоге опустили Советы на самый низ управленческой системы. Нищие Советы на местах были подмяты партийной (секретарями обкомов) и хозяйственной (председатели колхозов) властями, а также правоохранительной системой (органами МГБ). Именно поэтому во властной иерархии работники Верховных Советов располагались на низших ступенях, демонстрируя по сути потешность советской демократии. Правда, подобный расклад не мешал (а даже помогал) СССР иметь достаточно сильную и устойчивую власть, которая прошла не только испытание временем, но и огнем (в горниле Великой Отечественной войны). Поэтому все упреки по поводу искусственности советской демократии можно смело адресовать и всем остальным мировым демократиям – там ситуация с этим делом тоже была не лучше. Ведь если в СССР традиционная власть управляла

народом через принуждение и убеждение, то в западных демократиях – через манипуляцию сознанием и соблазнение. Как написано в исследовательском труде «Проект Россия»:

«Ни в одной стране мира нет демократии в заявленном виде. Все европейские страны, уже не первый век пытающиеся культивировать эту модель на себя, давно понимают ее ущербность. Но сделать ничего не могут, и потому создают видимость демократии... США просуществовали более двух веков только потому, что никогда не имели той демократии, о которой говорят. У них всегда была постоянная власть. Менялась только крошечная верхушка айсберга. Подводная часть оставалась неизменной. СССР просуществовал 70 лет благодаря потешной демократии. Реально это была постоянная власть, диктатура КПСС. Начни Советы устраивать выборы, России не стало бы уже к 1930 году...».

А вот еще одно мнение на этот счет – историка С. Кара-Мурзы:

«Зададимся вопросом: что такое демократия? Точка зрения обывателя тут крайне проста: демократия это как на Западе. А поскольку в СССР не было парламента с враждующими фракциями, многопартийной системы, желтой прессы, пошлых избирательных шоу, то и делается вывод: СССР был недемократическим государством. Эту точку зрения опровергнуть легче всего: перед нами классическая логическая ошибка – то, что в СССР не было демократии, а была лишь на Западе, доказывается тем, что за образец демократии берется сам Запад. То есть тезис, который требуется доказать, берут за основу доказательства. Более эрудированный оппонент процитирует: демократия есть форма государственного устройства, основанная на признании народа источником власти, на принципах равенства и свободы. Различают непосредственную демократию, при которой основные решения принимаются всеми гражданами, имеющими право голоса, и представительную демократию, при которой решения принимаются выборными учреждениями. Но с этой точки зрения, вообще-то Советский Союз был тоже демократическим государством, только в нем наличествовали институты не представительной демократии, как на Западе (парламент, партии и т. д.), а прямой демократии (Советы депутатов разного уровня). Правда, указанный эрудит не преминет добавить, что система Советов на деле в СССР была задавлена партийной вертикалью. В действительности, все было гораздо сложнее.

Реальная демократия отличается от недемократии другим – высокой социальной мобильностью. То есть демократия позволяет инициативным, активным людям перемещаться с социального низа на социальный верх. Противостоит же «демократии» общество сословного, аристократического типа, где социальный статус человека определяется его происхождением. Если человек родился крестьянином, то и сам он и его дети останутся таковыми, а исключения крайне редки. В этом смысле СССР был именно демократическим обществом и государством. Вспомним, что все его политическое руководство было выходцами из крестьян и рабочих (разрушителем СССР стал тот, кого Советская власть вознесла от комбайнера до секретаря ЦК), каждый гражданин имел возможность бесплатно получить образование, включая высшее, заниматься наукой, административной, хозяйственной работой и т. д. На Западе такая мобильность достигается умением нажиться, сколотить состояние, поэтому западную демократию следует охарактеризовать как плутократическую, а в СССР человек поднимался по социальной лестнице в случае его верности идее, коллективу, общему делу, своей Родине и государству, и советскую демократию следует назвать идеократической...»

Но вернемся к Шарафу Рашидову.

Несмотря на то, что его протеже выступал сам Усманов, однако это не помешало недоброжелателям нового Председателя Президиума ВС УзССР фактически сразу объявить ему войну. Ситуацию им облегчало и то, что Усманов, назначенный министром хлопководства СССР, вынужден был покинуть республику и уехать к месту назначения – в Москву. Судя по всему, эта война была спровоцирована серьезными опасениями недоброжелателей Рашидова, что даже на чисто символическом посту он сумеет укрепить свой авторитет не только у населения республики, но также и в Москве (а председатели Президиумов ВС в республиках авто-

матически становились заместителями председателя Президиума ВС СССР, то есть – президента страны), и за границей (как уже говорилось, по статусу президенту полагалось выезжать за рубеж, а также встречаться и сопровождать иностранные делегации в самой республике). В итоге уже спустя полгода после избрания Рашидова (в начале 1951 года) была предпринята попытка сместить его с президентской должности. Причем сделано это было весьма хитро.

На очередном заседании Бюро ЦК КП Узбекистана был поднят вопрос об укреплении идеологической работы в республике. Со своего поста был снят прежний секретарь ЦК, ведавший этим направлением, и вместо него был назначен Рашидов. А на его место в Верховном Совете был рекомендован известный академик-математик 35-летний Ташмухаммад Сарымсаков, который в то время был президентом (с 1946 года) Физической академии. Казалось, что недоброжелатели Рашидова могли торжествовать победу. Однако...

Несмотря на то, что решение о новом назначении было принято на Бюро ЦК (то есть в высшем властном республиканском органе) и два месяца спустя утверждено на Пленуме, Рашидов и не думал покидать своего поста в Верховном Совете, поскольку прекрасно знал, что за его спиной стоят не менее влиятельные люди. По сути, эта коллизия должна была в очередной раз выявить, что время безраздельного господства ферганского клана уходит в прошлое. В итоге после почти полугодового противостояния Бюро ЦК КП Узбекистана вынуждено было отменить свое постановление по Рашидову и тот продолжил свою работу на посту Председателя Президиума Верховного Совета УзССР. Случай поистине уникальный и беспрецедентный в политической истории не только Узбекистана, но и всей страны.

Победа Рашидова почти совпала с новой кампанией по борьбе с национализмом, которая развернулась в среднеазиатских республиках в 1951 году. Тогда репрессиям были подвергнуты несколько известных узбекских литераторов (Шукрулло Юсупов, Шухрат, Хамид Сулейман, Мирзакалон Исмаили – это на его слова будут опираться в конце 80-х перестройщики, разоблачающие Рашидова), а также под огнем ожесточенной критики оказались такие тюркские героические эпосы, как «Дастан» и «Алпамыш», которые были объявлены «националистической пропагандой».

Тем временем в марте 1953 года в Москве умирает И. Сталин. К власти приходят его соратники: Никита Хрущев становится 1-м секретарем ЦК КПСС, Георгий Маленков – Председателем Совета Министров СССР, Вячеслав Молотов – 1-м заместителем Председателя Совета Министров СССР, министром иностранных дел СССР, Климент Ворошилов – Председателем Президиума Верховного Совета СССР, Лаврентий Берия – 1-й заместитель Председателя Совета Министров СССР и министр внутренних дел.

Несмотря на внешнюю сплоченность, которую являли миру сталинские соратники, на самом деле каждый из них тянул одеяло на себя, пытаясь в итоге стать единоличным правителем. Особенно старался Берия, который заключил союз с Маленковым и добился включения в число кандидатов в члены Президиума ЦК КПСС своего человека: 1-го секретаря ЦК КП Азербайджана Мир-Джафара Багирова. Отметим, что это был первый случай принятия в высший партийный ареопаг мусульманина. Правда, принадлежал он к кавказцам, что вытекало из той политики, который придерживался еще Сталин – допускать к вершинам власти исключительно представителей кавказских народностей (грузин, армян и азербайджанцев). Что касается лидеров из Средней Азии, то их к кормилу власти не допускали.

Кроме этого, Берия провел ряд реформ, которые должны были возбудить к нему симпатии широких слоев населения как внутри страны, так и за ее пределами. Так, он закрыл «дело врачей», выпустив из заключения всех арестованных по нему людей, а также провел в стране амнистию, после которой из неволи вышли десятки тысяч осужденных (в том числе и уголовники). В конце апреля 1953 года Берия затеял еще одну реформу: разослал во все союзные республики записку, где предлагал обсудить вопрос о том, чтобы национальные кадры работали исключительно в местах своего рождения.

Когда эта записка обсуждалась в Узбекистане, против высказался тамошний премьер-министр Нуритдин Мухитдинов. Естественно, доброжелатели тут же донесли об этом Берии. И тот приказал узбекскому руководству освободить Мухитдинова от должности премьера. Вместо него этот пост занял Усман Юсупов, который, как мы помним, в 1937–1950 годах был 1-м секретарем ЦК КП Узбекистана, а затем уехал в Москву, где возглавил Министерство хлопководства. Однако вскоре после смерти Сталина это министерство было упразднено, и Юсупова вернули на родину, назначив его председателем Совета Министров вместо Мухитдинова (его назначили министром иностранных дел Узбекистана). Сменилось и руководство МВД Узбекистана: из Москвы был прислан руководить чекист с 32-летним стажем Алексей Бызов, который в течение пяти лет (1946–1951) возглавлял МГБ Казахстана, а последние два года трудился в должности начальника 1-го управления МГБ СССР (внешняя контрразведка). Отметим, что спустя год Бызов станет председателем КГБ Узбекистана, а в кресло министра внутренних дел сядет начальник Ферганского УКГБ Юлдаш Бабажанов.

Тем временем в Президиуме ЦК КПСС не все были согласны с инициативами Берии. Так, против смещения Мухитдинова высказались Хрущев, Молотов, Косыгин и Булганин, которые прекрасно понимали, что таким образом Берия укрепляет свои позиции, давая сигнал национальным элитам, кто истинный хозяин в Москве. И Берия в самом деле тогда был на коне, поскольку легко смог сломить сопротивление даже столь многочисленной группы и провести свои решения в жизнь. Однако торжествовал он недолго.

26 июня 1953 года Хрущев и его сторонники в Президиуме, заручившись поддержкой военных (Г. Жукова и других) арестовали Берию прямо во время заседания в Кремле и спустя полгода (23 декабря) расстреляли (Багирова арестуют тогда же, однако расстреляют спустя три года). С этого момента центр силы в Президиуме переместился к Хрущеву. И он, вооружившись «метлой», принялся наводить порядок в республиках, прекрасно понимая, что со сталинскими кадрами ему долго в кресле «первого» не усидеть – сбросят.

В южном регионе Хрущев первым делом избавился от хозяина Казахстана, любимчика Сталина Жумабая Шаяхметова, который фактически руководил республикой 15 лет (с 1939 по 1946 годы, когда был 2-м секретарем, и с 1946 по 1954 год, когда был 1-м секретарем). В феврале 1954 года Шаяхметова отправили в отставку, обвинив в сопротивлении освоению целинных земель, которые затеяла Москва. После этого к руководству Казахстаном пришли «варяги»: славяне Пантелеймон Пономаренко (1-й секретарь) и Леонид Брежнев (2-й секретарь; через год он сменит Пономаренко в кресле «первого»).

В 1956 году Хрущев сменил руководство Таджикистана: со своего поста был снят представитель ленинабадского клана Бободжан Гафуров, который продержался на своем посту 10 лет. Правда, ему на смену местные элиты привели опять же ленинабадца – Турсуна Ульджабаева.

В 1958 году дошла очередь и до Туркмении, где, как мы помним, первые лица республики были выходцами из разных кланов и по очереди сменяли друг друга. В итоге на место Сухана Бабаева (алилинец; правил с 1951 года) пришел Джума Дурды Караев (марыйский текинец).

Единственной среднеазиатской республикой, руководство которой в 50-е годы миновала пертурбация, была Киргизия. Там с 1950 года правил Исхак Раззаков, который, как мы помним, хотя и считался представителем южного клана, однако фактически был компромиссной фигурой, удовлетворяющей оба клана – северный и южный.

Что касается Узбекистана, то там за первое послесталинское пятилетие произошло больше всего изменений в верхах. Первым пал председатель Совета Министров Усман Юсупов, который, как мы помним, был возвращен в республику волевым решением Москвы. Юсупов перестал устраивать Хрущева как по причине своего прошлого (выдвиженец и любимец Сталина), так и по своим взглядам на развитие экономики Узбекистана. Хрущев находился под большим впечатлением от успехов хлопкоробов Таджикистана, которые внедряли у себя

квадратно-гнездовой посев и двухстороннюю обработку, а Юсупов его восторг не разделял. В итоге Хрущев решил его сместить, тем более, что и в самой узбекской элите многие были настроены против Юсупова, имея на него зуб еще со сталинских времен, когда он был безраздельным хозяином республики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.